ЗАПОВЕДНАЯ ПРИРОДА
Санкт-Петербурга

Особо охраняемые природные территории Санкт-Петербурга

1 - Памятник природы "Стрельнинский берег"

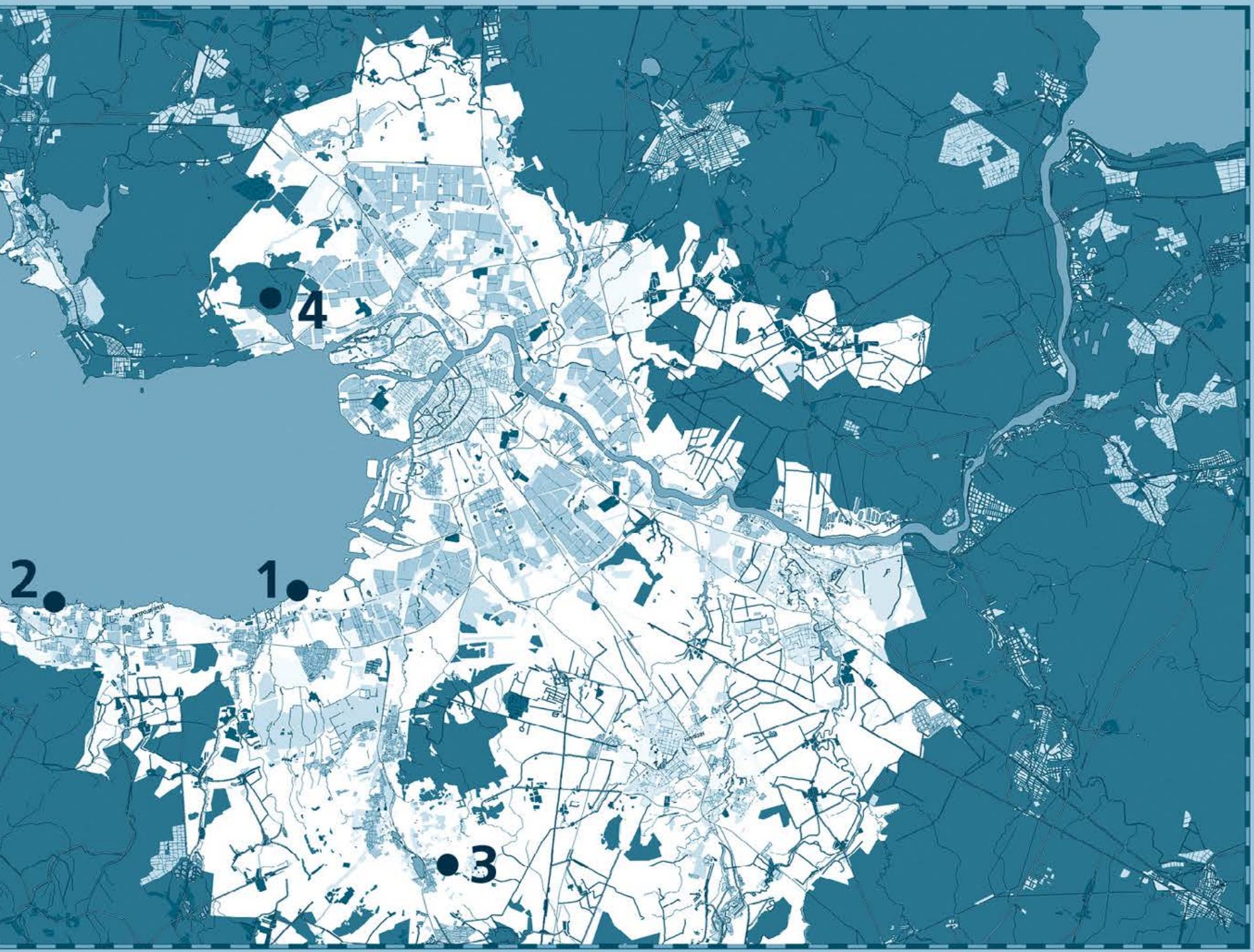
2 - Памятник природы "Парк Сергиевка"

3 - Памятник природы "Дудергофские высоты"

4 - Заказник "Юнтоловский"

5 - Памятник природы "Комаровский берег"

6 - Заказник "Гладышевский"


4
2
1
3

Комитет по природопользованию, охране окружающей среды
и обеспечению экологической безопасности Санкт-Петербурга

ЗАПОВЕДНАЯ ПРИРОДА
Санкт-Петербурга

Под общей редакцией канд. геогр. наук Д.А. Голубева

Санкт-Петербург
2004

“Государственными природными заказниками являются территории (акватории), имеющие особое значение для сохранения или восстановления природных комплексов или их компонентов и поддержания экологического баланса.

Памятники природы – уникальные, невосполнимые, ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношениях природные комплексы, а также объекты естественного и искусственного происхождения”.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН “ОБ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ”

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

Предисловие	6	Introduction
Памятник природы “Стрельнинский берег”	22	Strelna coast nature monument
Памятник природы “Парк Сергиевка”	48	Sergievka park nature monument
Памятник природы “Дудергофские высоты”	84	Dudergof heights nature monument
Заказник “Юнтоловский”	114	Yuntolovsky nature reserve
Памятник природы “Комаровский берег”	144	Komarovo coast nature monument
Заказник “Гладышевский”	172	Gladyshevsky nature reserve

предисловие

Статья 42 Конституции Российской Федерации гласит: “Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду...”. Сохранение исходного качества среды обитания является главным условием процветания, нормального развития и просто элементарного выживания человека. Одним из путей решения этой проблемы является развитие системы особо охраняемых природных территорий. Особо охраняемыми природными территориями объявляются участки земной и водной поверхности, где располагаются ценные природные комплексы и объекты. В целях их сохранения такие территории изымаются из хозяйственного использования, а в их границах устанавливается режим особой охраны.

В России охраняемые природные территории традиционно занимают особое место в системе охраны природы. Во всем мире известны российские заповедники, первые из которых были созданы уже в начале XX века. К настоящему времени в стране сложилась уникальная сеть охраняемых природных территорий различного ранга – заповедников, национальных парков, заказников и памятников природы. Но не только на необъятных российских просторах природа нуждается в государственной заботе и защите. Не менее актуально ее сохранение в крупных городах с высокой плотностью населения, где проблемы сохранения благоприятной среды обитания стоят особенно остро. Компенсировать хотя бы частично негативное воздействие антропогенных факторов способны природные экосистемы. Поэтому в последние десятилетия XX века весьма актуальным стало создание особо охраняемых природных территорий в городской черте. Это позволяет уберечь от застройки и сохранить участки лесов, лугов, парков, морских и речных побережий, чтобы горожане смогли насладиться общением с природой, а виды флоры и фауны найти убежище среди городских кварталов.

В Санкт-Петербурге охраняемые природные территории начали создаваться с 1990 года. В настоящее время в границах города существует два государственных комплексных заказника и четыре памятника природы регионального значения. Их общая площадь более 2000 га, что составляет около 1,5% площади города. Памятники природы “Дудергофские высоты” и “Парк Сергиевка” внесены в список объектов Всемирного наследия Юнеско в составе Исторического центра Санкт-Петербурга с его окрестностями.

Охраняемые природные территории – это эталоны живой природы, существовавшей здесь еще до основания Санкт-Петербурга, и сохранившиеся в черте города за трехвековой период его существования, несмотря на все произошедшие перемены. Здесь тесно переплелись природа, история и культура, исторические события и судьбы людей. Сохранение эталонных участков живой природы, как редких и уникальных, так и типичных, крайне важно не только с природоохранной, но и с научно-познавательной точки зрения. Современное состояние природного комплекса города позволяет оценить происходившие исторические события, сложившуюся градостроительную и экологическую ситуации.

Эта книга – попытка рассказать о заповедных природных уголках нашего города в непосредственной связи с его историей, показать Санкт-Петербург с нетрадиционной точки зрения, продемонстрировать читателю его нерукотворную красоту.

от авторов

Санкт-Петербург в нашем представлении – это, прежде всего, архитектурные ансамбли с эффектным построением перспектив, многоплановые панорамы, загородные дворцы с огромными парками "в регулярном стиле", величественные соборы. Но, наряду с грандиозными творениями рук человеческих, неприметно существует другой мир – мир природы, неиссякаемый источник бесконечной отрады и вдохновения для человека.

Русскому человеку свойственно было одушевлять природу, наделять способностью радоваться и печалиться, видеть в ней творческую созидающую силу. Обладая такой ценностью, природа не только питает нас своими плодами, но и жаждет нашего ответного участия в своей судьбе, покровительства и защиты. Однако этим наши взаимоотношения с природой не исчерпываются. Если бы человек не находил у природы мудрых поучений и откликов на свои переживания, отчего его стремление к ней было бы столь непреодолимо и столь возвышенно?

"...Натура есть некоторое Евангелие, благовествующее немолчно Творческую силу, Премудрость и Величество", – пишет Михаил Васильевич Ломоносов.

"Искусство и ландшафты не нужны, где нет чувства... Пейзаж не имеет цели, если он только красив. В нем должна быть история души. Он должен быть звуком, отвечающим сердечным чувствам ....", – считает автор знаменитых "Грачей" Алексей Саврасов, непревзойденно тонкий пейзажист, получивший звание академика художеств за работы, изображающие природу Сергиевского парка. Вот, оказывается, где скрыта истинная красота – в сочетании искусства с природой, в истории души. Поэтому не случайно, что, помимо самой природы, исторические персонажи, ее соучастники и собеседники былых времен, присутствуют на страницах этого альбома. Без них картина была бы неполной, в ней не было бы гармонии.

Как капли росы на цветущем лугу у стен Сергиевой пустыни, вместившие в себя тысячи солнц, души этих людей отразили красоту окружающего мира. Мы попытались вспомнить здесь тех из них, которые, очищая свое сердце, стремились быть истинными, незамутненными зеркалами. Вглядимся пристальнее в вечернее гаснущее небо, волны ветра, бегущие по тростниковым плавням, серебряные нити дождя над лесом, гладь залива, мерцающую закатными лучами, всмотримся в таинство белой ночи, и книга природы, быть может, раскроет перед нами свои страницы.

ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ “СТРЕЛЬНИНСКИЙ БЕРЕГ”

Государственный комплексный памятник природы площадью 53 га был организован в 1992 г. Он расположен на прибрежной равнине в окрестностях пос. Стрельна и включает также участок акватории Финского залива шириной 200 м. На территории памятника природы сохранились ландшафты, типичные для южного побережья Невской губы и уже исчезнувшие в других местах окрестностей Санкт-Петербурга.

В растительном покрове памятника природы наибольший интерес представляет черноольховый лес с развитым кустарниковым ярусом и высокотравьем. В подросте встречается клен и единичные ясени. Массив черноольшатников – один из самых крупных в черте города.

Большие площади памятника природы покрыты ивняками. Вдоль побережья Финского залива хорошо развиты тростниковые заросли высотой более 2 м. В устье ручья, протекающего по восточной окраине памятника природы, и в акватории залива распространены заросли камыша озерного. Список флоры насчитывает 250 видов, из которых фиалка топяная включена в Красную книгу Ленинградской области. Из других видов заслуживает внимания жестер слабительный – редкий в Ленинградской области кустарник, имеющий здесь северную границу своего распространения.

Фауна наземных позвоночных памятника природы “Стрельнинский берег” является в целом типичной для данных биотопов восточной части Финского залива. Всего отмечено 2 вида амфибий, 1 вид пресмыкающихся, 102 вида птиц и 11 видов млекопитающих. 9 видов птиц, занесенных в Красную книгу Ленинградской области, встречаются здесь в период сезонных миграций. Из амфибий обитает жаба серая – вид, охраняемый в Ленинградской области.

Сохранение этой территории в черте мегаполиса как участка естественной природы имеет большое научное и социальное значение.

STRELNA COAST NATURE MONUMENT

The State Complex Nature Monument with the total area of 53 ha was founded in 1992. It is situated on a coastal plain in the vicinity of Strelna, also including 200 meter wide part of the Gulf of Finland. Landscapes typical of the southern coast of the Neva Bay, although irremediable in other neighbourhoods of St. Petersburg, are to be found on the nature monument’s territory.

As to the nature monument’s flora, black alder forest with well-developed shrub and herbaceous layers is of great interest. Maples and solitary ash-trees can be found in the undergrowth. This black alder forestland is one of the biggest in St. Petersburg.

Large areas of the nature monument are covered with willows. Two-meter high reed thickets develop along the Gulf coast. Thickets of bulrush are widespread in the stream mouth at the eastern border of the nature monument as well as in the Gulf waters. Flora is presented by 250 species, of which the fen violet is listed in the Red Data Book of the Leningrad Region. The european buckthorn is worth a special mention among other species; though uncommon for the Leningrad Region, it is here at the northern border of its natural areal.

Terrestrial vertebrate fauna of the Strelna Coast nature monument is typical for similar habitats of the eastern part of the Gulf of Finland. Altogether, 2 amphibian, 1 reptile, 102 bird and 11 mammal species were reported for this area. 9 bird species listed in the Red Data Book of Leningrad Region occur here during seasonal migrations. One of the amphibian species – the common toad – is protected in the Leningrad Region.

Preservation of this territory in the city as the nature area is of great scientific and social importance.

ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ “ПАРК СЕРГИЕВКА”

Государственный комплексный памятник природы площадью 120 га был организован в 1992 г. Он расположен на двух приморских террасах Финского залива, а также включает побережье и акваторию залива площадью 10 га. Относительная высота верхней террасы над уровнем моря составляет 15–20 м. Практически всю территорию памятника природы занимает парк, созданный в начале XIX века среди естественного лесного массива. Сохранилась часть построек дворцового ансамбля, созданных по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера. Особую привлекательность пейзажу придают глубокие овраги с ручьями, мостики, искусственные пруды и плотины, соединенные каскадами.

Разнообразие растительности памятника природы обусловлено особенностями ландшафта и историей территории. На верхней террасе сейчас можно встретить фрагменты настоящего ельника, смешанного елово-березового и елово-широколиственного леса. Береговой уступ и нижняя терраса заняты лесными сообществами из широколиственных пород: липы, клена, дуба, ясеня с отдельными соснами и елями. Интересно, что и в травянистом ярусе этих лесов присутствуют неморальные виды растений: медуница лекарственная, хохлатка плотная и др. Среди лесных участков открываются небольшие поляны и злаковые луга с живописными одиночными старыми деревьями. По берегу залива и на мелководье сохранились черноольховые топи, приморское низинное болото и обширные тростниковые заросли. Всего в пределах памятника природы обнаружено около 500 видов растений. Животный мир парка “Сергиевка” также представляет большой научный интерес. На территории памятника природы отмечено более 100 видов птиц и 34 вида млекопитающих.

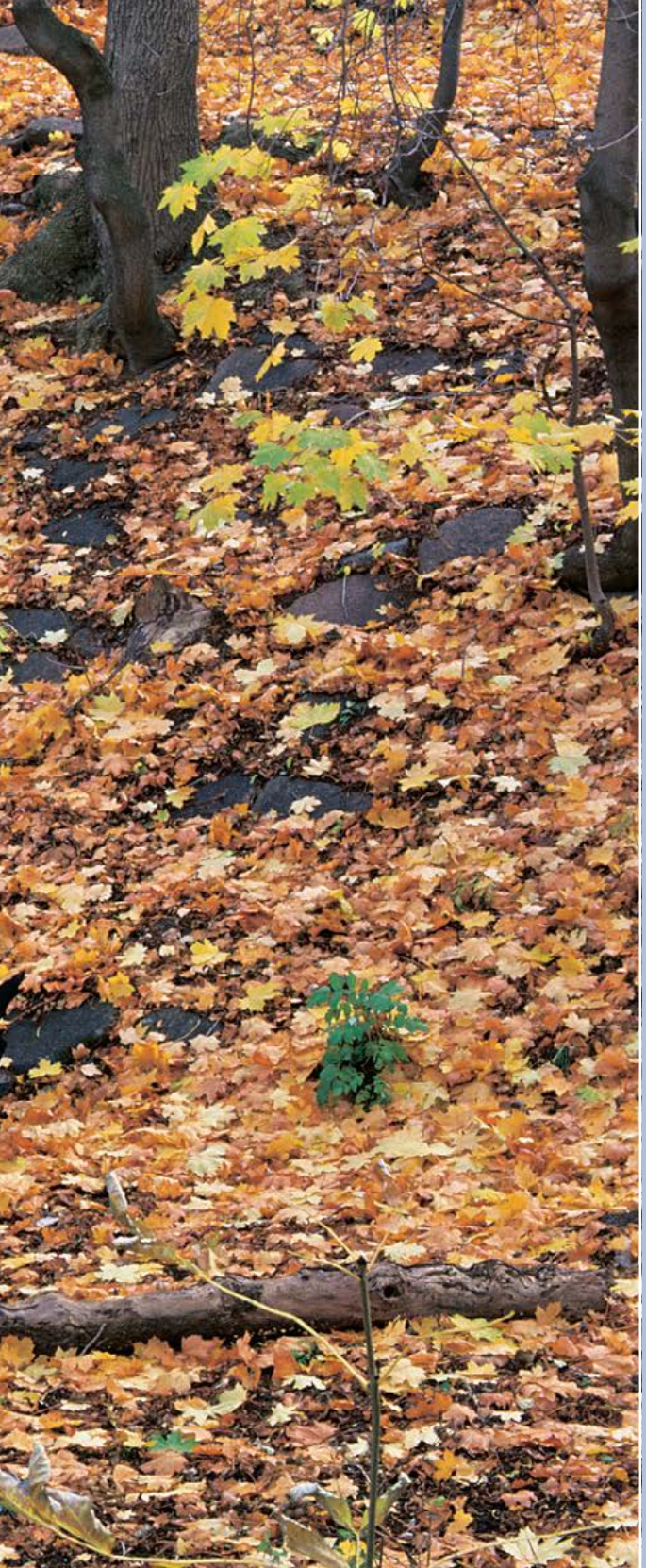
Памятник природы “Парк Сергиевка” внесен в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в составе Исторического центра Санкт-Петербурга с его окрестностями.

SERGIEVKA PARK NATURE MONUMENT

The State Complex Nature Monument with the total area of 120 ha was founded in 1992. It is located on two coastal terraces of the Gulf of Finland, including the coast and some 10 ha of the Gulf waters. The relative altitude of the upper terrace is 15-20 meters above sea level. Almost the whole of the territory is occupied by a landscape park created in the beginning of the 19th century in a natural forestland. Several buildings of the palace ensemble designed by architect A. Stackenschneider still remain intact. Deep ravines with streams, foot-bridges, artificial ponds and cascade dams beautify the landscape.

The nature monument’s vegetation variety is primarily determined by landscape peculiarity. Fragments of coniferous, mixed birch-coniferous and broadleaved-coniferous forests can be recorded today on the upper terrace. Broad-leaved forests of lime-tree, maple, oak, ash-tree cover the cliff and the lower terrace. It is peculiar that nemorial plant species are also met in the herbaceous layer: the common lungwort and fumewort to name a few. Small glades and corn meadows with picturesque old solitary trees can be found in the forests. Black alder swamps, coastal marshes and reed thickets remain intact on the Gulf coast and at the shoals. Altogether some 500 species were reported for the nature monument. The nature monument fauna is also of great scientific interest. More than 100 bird and 34 mammal species were reported here.

The Sergievka Park Nature Monument is inscribed on the UNESCO World Heritage List as part of the Historical Center of St.Petersburg and its environs.



ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ “ДУДЕРГОФСКИЕ ВЫСОТЫ”

В 20 км на юго-запад от Петербурга лежит возвышенное плато, получившее название Силурийского, или Ижорского. Наиболее высокой является его северная часть: здесь лежит Дудергофская возвышенность, с высшей точкой, поднимающейся на 176 м над уровнем моря – горой Ореховой. К северу от Ореховой лежит гора Воронья высотой 147 м. Это максимальные отметки высот для окрестностей Санкт-Петербурга. На этих двух горах и расположен парк, получивший в 1992 году статус государственного комплексного памятника природы. Общая площадь памятника природы составляет около 65 га.

Парк создавался в XIX веке на месте естественных хвойных лесов, незначительно преобразованных с помощью ландшафтных рубок и декоративных посадок деревьев и кустарников. Во время Великой Отечественной войны практически вся древесная растительность Дудергофских высот была истреблена. Из старых деревьев сохранилось лишь несколько сосен и лип в возрасте 100–150 лет. В то же время, гибель верхнего полога насаждений благоприятно отразилась на росте подлеска и древесного подроста. В хороших световых и почвенных условиях подлесок, состоявший из лещины, рябины, бузины, декоративных кустарников, сильно разросся, появилось возобновление ясеня, клена, дуба, вяза и липы.

Сейчас Воронью гору покрывают широколиственные леса, главным образом кленово-ясеневые, а на Ореховой горе, кроме них, есть участки дубрав и небольшое пятно ельника на западном склоне. В травянистом ярусе также господствуют настоящие неморальные виды – печеночница, хохлатка, медуница и др. Из редких видов растений встречается венерин башмачок, занесенный в Красную книгу России. В целом, современный растительный покров Дудергофской возвышенности, сформировавшийся на дерново-карбонатных почвах, характерен скорее для южной части России, чем для окрестностей северной столицы.

Дудергофские высоты внесены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в составе Исторического центра Санкт-Петербурга с его окрестностями.

DUDERGOF HEIGHTS NATURE MONUMENT

The highland plateau called the Silurian (or Izhora) Plateau lies 20 kilometer southwest of St. Petersburg. Its highest northern part is constituted by the Dudergof heights, with its 176-meter high Orekhovaya hill. The 147-meter high Voronya hill lies to the north of it. These are the highest eminences in St. Petersburg’s vicinity. Just here lies the park to which the State Complex Nature Monument status was granted in 1992. The park covers about 65 ha.

The park was laid out in the 19th century on the basis of natural coniferous forests slightly changed through landscape felling and ornamental trees and shrubs planting. Almost all trees of the Dudergof Heights were destroyed during the World War II. Only several pine and lime trees have survived, reaching the age of some100-150 years. However, the loss of big trees favourably resulted in the undergrowth. Due to good light and soil conditions, the hazel, mountain ash and elder undergrowth and ornamental shrubs spread out; new seedlings of the ash-tree, maple, elm and lime-tree appeared.

Today Voronya hill is covered with broad-leaved, mainly maple and ash-tree, forests, whereas there are also oak-groves and spruce areas (western slope) on Orekhovaya hill. True nemorial species dominate in the herbaceous layer – the hepatica, harlequin and lungwort to name the few. The endangered Red Data Book of Russia species of the lady’s slipper can also be found on the nature monument’s territory. In general, modern vegetation of Dudergof Heights, having formed on calcareous soils is typical of southern parts of Russia rather than of environs of the Northern Capital.

The Dudergof Heights nature monument is inscribed on the UNESCO World Heritage List as part of the Historical Center of St. Petersburg and its environs.

ЗАКАЗНИК “ЮНТОЛОВСКИЙ”

Государственный комплексный заказник площадью 976,8 га расположен на северном побережье Финского залива в так называемой Лахтинской впадине. В южной части Юнтоловского заказника находится Лахтинский разлив, который представляет собой залив Невской губы лиманного типа. С севера в Лахтинский разлив впадают реки Юнтоловка и Каменка.

Болота заказника раньше занимали гораздо большую площадь, но и сейчас, после частичного осушения, являются крупнейшими по площади в Европе охраняемыми болотными угодьями в черте города. Значительные площади топкого низинного болота, непосредственно примыкающего к озеру с севера, заняты зарослями ивы и кустарника восковника болотного, занесенного в Красную книгу России. Это крупнейшая на Северо-Западе популяция восковника, находящегося здесь на восточной границе своего ареала.

Птицы – одно из главных природных богатств Юнтоловского заказника. С незапамятных времен Лахтинская низменность, озеро и прилегающие отмели Финского залива служили местом массовых стоянок перелетных птиц, мигрировавших по крупнейшей в Европе Беломоро-Балтийской трассе. Благодаря наличию обширных мелководий, отмелей, тростниковых зарослей, здесь каждую весну и осень останавливались для отдыха до 2 миллионов птиц, главным образом водоплавающих и околоводных. Среди них лебедь-кликун, тундряной лебедь и гусь пискулька, который находится под охраной в странах Европы. В массиве Юнтоловской лесной дачи можно встретить хищных птиц, таких как ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, болотная и ушастая совы.

Невысокие болотные леса, приморские топи, а также разнотравные луга, поросшие кустарниками, – все это создает условия для обитания обыкновенного ежа, зайца-русака, лисицы, полевой мыши, ласки и горностая. Несмотря на близость городских кварталов, растительный и животный мир заказника богат благодаря разнообразию природных условий. Всего здесь отмечено 337 видов сосудистых растений, 69 видов мхов, 127 видов птиц и 19 видов млекопитающих.

YUNTOLOVSKY NATURE RESERVE

The State Complex Nature Reserve with the total area of 976.8 ha is situated on the northern coast of the Gulf of Finland in the so-called Lakhta lowland. Lake Lakhtinsky Razliv lies in the southern part of the nature reserve, the former being an estuary creek of the Neva bay. The Yuntolovka and Kamenka rivers enter the lake from the north.

Nature reserve’s marshes covered larger territory in past times, but even after partial draining, nowadays they constitute the largest intraurban protected wetland area in Europe. Substantial areas of swampy lowland bordering the lake in the north are covered with willow thickets and the sweet gale – the Red Data Book of Russia species. This is the Northwest largest population of the sweet gale, presenting the areal’s eastern border.

One of the most important nature treasures of the nature reserve is the bird population. Lakhta lowlands, the lake and the adjacent Gulf sandbanks have served as a staging area for migratory birds on the Europe biggest White Sea – Baltic Sea flyway since the immemorial times. Due to vast sandbanks and thickets, up to 2 million birds (mostly aquatic and coastal) used to rest here. Species protected in Europe like whooper and Bewick’s swans, white-fronted geese can be registered among them. Predatory birds such as the northern goshawk, sparrow hawk, short-eared and long-eared owls can be seen in the Yuntolovsky forest tract.

Scrubby paludal forests, coastal marshes and motley meadows with shrubs constitute good habitats for the hedgehog, european hare, fox, striped field mouse, least and short-tailed weasels. Despite the housing estate proximity, the nature reserve’s flora and fauna are rich due to the environmental variety. Altogether 337 vascular plant, 69 moss, 127 bird and 19 mammal species were reported for this territory.

ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ “КОМАРОВСКИЙ БЕРЕГ”

Государственный комплексный памятник природы площадью 190 га создан в 1992 г. Он расположен на северном побережье Финского залива в знаменитой курортной зоне Санкт-Петербурга, недалеко от пос. Комарово. Здесь хорошо сохранились участки типичных для Карельского перешейка таежных лесов и ландшафты прибрежных дюн.

Большая часть территории памятника природы находится в пределах нижней террасы, называемой Литориновой – по имени Литоринового моря, существовавшего на месте современной Балтики около 8000 лет назад. Наиболее интересны в растительном покрове “Комаровского берега” еловые леса и черноольшатники. Спелые ельники, которые редко можно встретить вблизи Санкт-Петербурга, интересны еще и тем, что в них отмечено необычайно большое количество муравейников рыжего лесного муравья, многие из них достигают более метра в высоту. Черноольховые леса приурочены к ручьям и заболоченным понижениям за береговым валом, встречаются также на заброшенных огородах.

Побережье Финского залива с песчаными дюнами – это живописная, но и наиболее нарушенная часть памятника природы. На песчаных пляжах встречаются сообщества злака колосняка песчаного. В междюнных понижениях можно найти осоку песчаную – вид, занесенный в Красную книгу Ленинградской области. Несмотря на то, что воды Финского залива имеют малую соленость, здесь произрастают морская горчица, чина приморская и гонкения бутерлаковидная.

Прибрежная зона Финского залива является местом остановки пролетных водоплавающих птиц. Некоторые виды, как, например, тундряной лебедь и лебедь-кликун, гагара, гусь-гуменник, белолобый гусь, иногда образуют здесь скопления до нескольких сотен птиц.

Всего на территории “Комаровского берега” зарегистрировано 403 вида растений, 198 видов птиц, 20 видов млекопитающих, 4 вида амфибий и 2 вида рептилий. Из них 3 вида растений и 23 вида птиц охраняются в Ленинградской области.

KOMAROVO COAST NATURE MONUMENT

The State Complex Nature Monument with the total area of 190 ha was founded in 1992. It is situated on the northern coast of the Gulf of Finland in the famous resort district of St. Petersburg, close to Komarovo residential area. Boreal (taiga) forest zones and coastal dune landscapes typical of the Karelian Isthmus remained here intact.

The larger part of the nature monument’s territory lies on the lower Lithorina terrace named after the ancient Lithorina sea that occupied the territory of the modern Baltic region some 8,000 years ago. Of greatest interest in the nature monument’s vegetation are spruce and alder forests. Spruce forests that can rarely be found around St. Petersburg are also remarkable for numerous anthills of the red ant, some being over a meter high. Represented by several types, black alder forests occur by the streams and marshes behind the coast swell as well as in deserted gardens.

The northern coast of the Gulf of Finland with its sandy dunes is a picturesque yet the most damaged part of the nature monument. Communities of the lyme grass can be found here. In the lowlands between the dunes the sand sedge can be found, species listed in the Red Data Book of the Leningrad Region. Despite the low salinity of the Gulf waters, the sea rocket, beach pea and sea sandworth sprout here.

The 300 meter wide coastal zone of the Gulf of Finland is also a staging area for migratory aquatic birds. Bewick’s swans, loons, bean and white-fronted geese sometimes form aggregations of up to several hundred species.

Altogether 403 plant, 198 bird, 20 mammal, 4 amphibian and 2 reptile species were reported for the nature monument. 3 plant and 23 bird species are protected in the Leningrad Region.

ЗАКАЗНИК “ГЛАДЫШЕВСКИЙ”

Государственный комплексный заказник создан в 1996 г. Он расположен в южной части Карельского перешейка, на территории Ленинградской области и Курортного района Санкт-Петербурга. Общая площадь заказника 8419 га, в административных границах Санкт-Петербурга лежит часть территории площадью 765 га.

Заказник организован, прежде всего, для сохранения уникального природного комплекса – биосистемы “лосось – жемчужница”, а также других редких представителей флоры и фауны. Порожистая река Гладышевка с притоками является единственным местом на Карельском перешейке, где совместно обитают лососевые рыбы и пресноводный моллюск жемчужница, занесенный в Красную книгу России. Развитие личинок жемчужницы проходит на мальках атлантического лосося и кумжи. Моллюск селится на галечном дне речных перекатов и плесов, чувствителен к загрязнению воды и может служить индикатором ее чистоты.

Помимо реки Гладышевки, водная система заказника включает реки Великую, Рощинку и Черную, озеро Гладышевское и часть акватории Финского залива. Столь разнообразные условия для обитания гидробионтов определяют их видовое разнообразие. В Гладышевском озере обитает ледниковый реликт – рачок мизида, служащий кормом для ряда видов рыб, в том числе лососевых. Он встречается только в водоемах с высоким содержанием кислорода, и его наличие также может быть показателем чистоты воды и отсутствия эвтрофикации. Ихтиофауна заказника насчитывает 25 видов рыб, относящихся к 9 семействам, а также один вид круглоротых (речная минога).

В растительном покрове заказника преобладают хвойные леса. Сосняки со значительной примесью лиственных пород занимают до 40% площади бассейна р. Гладышевки. Еловыми лесами занято около трети территории. Встречаются в заказнике луга и небольшие болота.

GLADYSHEVSKY NATURE RESERVE

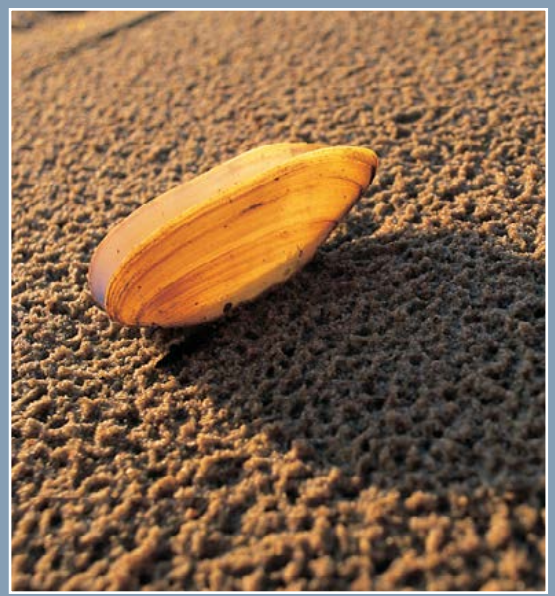
The State Complex Nature Reserve was founded in 1996. Located in the southern part of the Karelian Isthmus, it occupies the territory of the Leningrad Region and Kurortny district of St. Petersburg. This nature reserve covers 8,419 ha, of which 765 ha belong to the administrative territory of St. Petersburg.

The nature reserve was primarily founded to preserve the unique natural complex – “wild salmon – pearl mussel” biosystem, and to protect other endangered species of flora and fauna. The riffled Gladyshevka river with its tributaries is the Karelian Isthmus only place where salmonid species and freshwater pearl mussels coexist, the latter listed in the Red Data Book of Russia. The pearl mussel passes its larval stage on parr of the Atlantic salmon and Brown trout. Adult mollusks inhabit pebble river rifts and stretches. Being very sensitive to water pollution, this species can serve as an indicator of water quality.

Along with the Gladyshevka river, the water system of the reserve includes the rivers Velikaya, Roschinka, Tchernaya, Lake Gladyshevskoye and part of the Gulf of Finland water area. Such a variety of habitats leads to hydrobiont species diversity. For instance, the glacial relict opossum shrimp, a forage organism for several fish species, including salmonids, inhabits Gladyshevskoye Lake. This species can be found only in water bodies with high oxygen concentrations; thus it can also serve an indicator of water quality and non-eutrophycation. The ichthyofauna of the nature reserve is represented by 25 fish species of 9 family groups and one Cyclostomata species – the river lamprey.

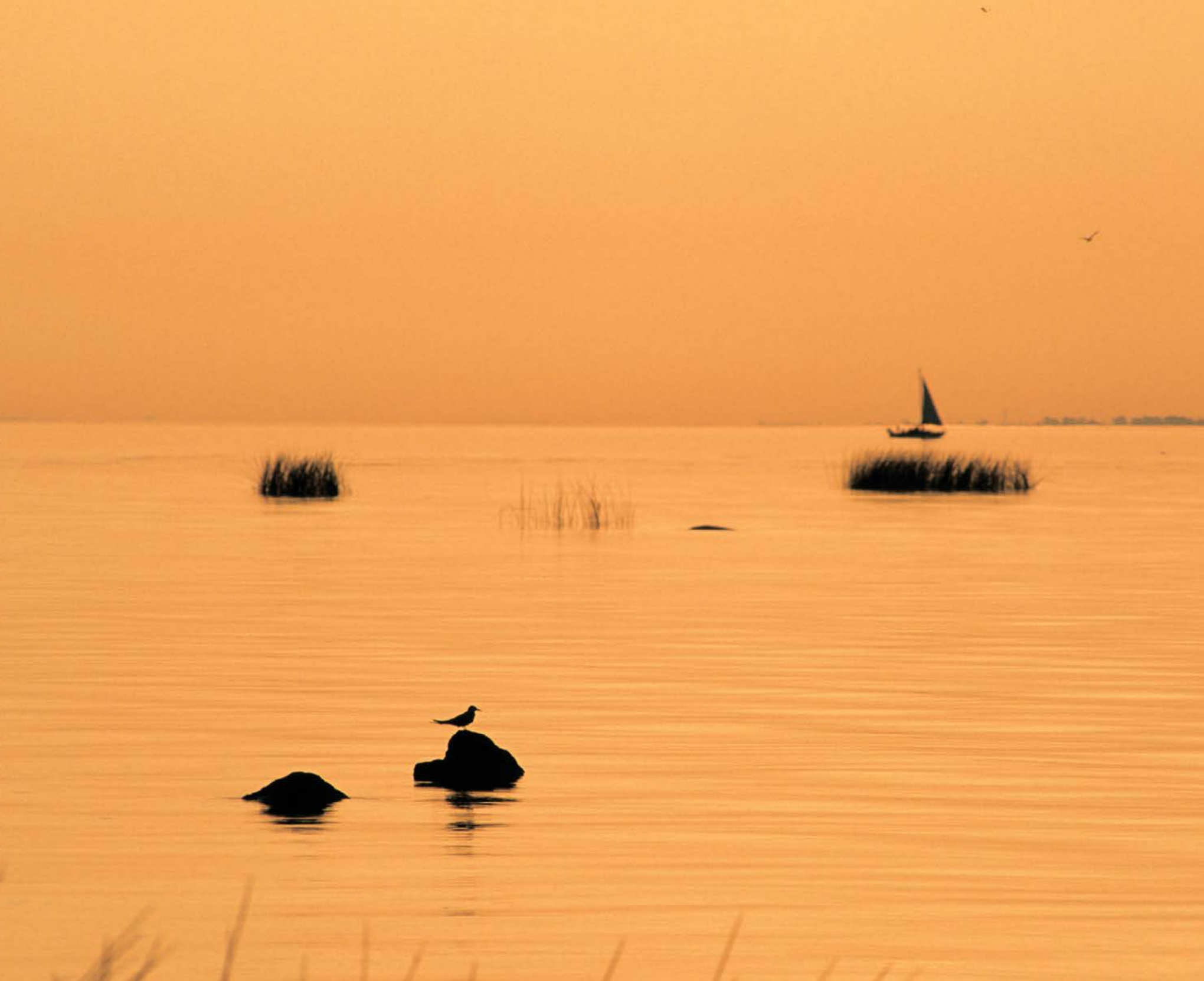
Coniferous forests constitute the main component of the reserve’s vegetation. Pine forests with a considerable admixture of deciduous trees occupy up to 40% of the Gladyshevka river basin. Spruce forests cover about a third of the territory. Meadows and small bogs can also be found in the nature reserve.

памятник природы “Стрельнинский берег”



Румяный парус там стоит,
Что чайка на волнах ленивых,
И отблеск розовый бежит
На их лазурных переливах.

А.Н. Майков



В старину земли по южному побережью Финского залива входили в Водскую пятину – одну из пяти областей, на которые делилась в то время Новгородская земля. По Столбовскому договору 1617 года они отошли к Швеции. В 1624 шведский король в благодарность за службу пожаловал эти земли дипломату и государственному деятелю Иоганну Шютте. В 1630-х годах Шютте основал на высоком морском берегу в устье реки Стрельна свою усадьбу с прудом, водяной мельницей, пристанью, садом, оранжереями и небольшой домовой церковью.

"По завоевании края от шведов, нынешний Петергофский уезд не отличался теми живописными видами, которые мы видим теперь. Вдоль всего побережья Финскаго залива шли одни вековые леса и болотныя топи, кое-где только попадались хижины финнов-рыбаков, покрытыя болотною травой...", – писал известный историк Петербурга Пыляев. Здесь, в девятнадцати верстах от северной столицы Российской империи, Петр I первоначально намеревался создать свою парадную летнюю резиденцию – "русскую Версалию". По его повелению ранее пустынный, угрюмый и заболоченный берег был превращен в цветущий уголок с галереей загородных дворцов и парков.

С тех пор природа Стрельнинского берега неизменно привлекала многие творческие личности. Среди поэтичных описаний этой местности можно встретить такие: "Ни разу не проезжал я через Стрельну, чтоб не посетить сего святилища... Здесь, сидя на берегу открытого моря, из-за горизонту коего мелькают с одной стороны златые и разноцветные верхи Петрополя, а с другой мачтовый лес грозного Кронштадта, при шуме пенящихся волн, <...> объемлет томность сладкая, грусть приятная!", – писал художник П.П. Свиньин.

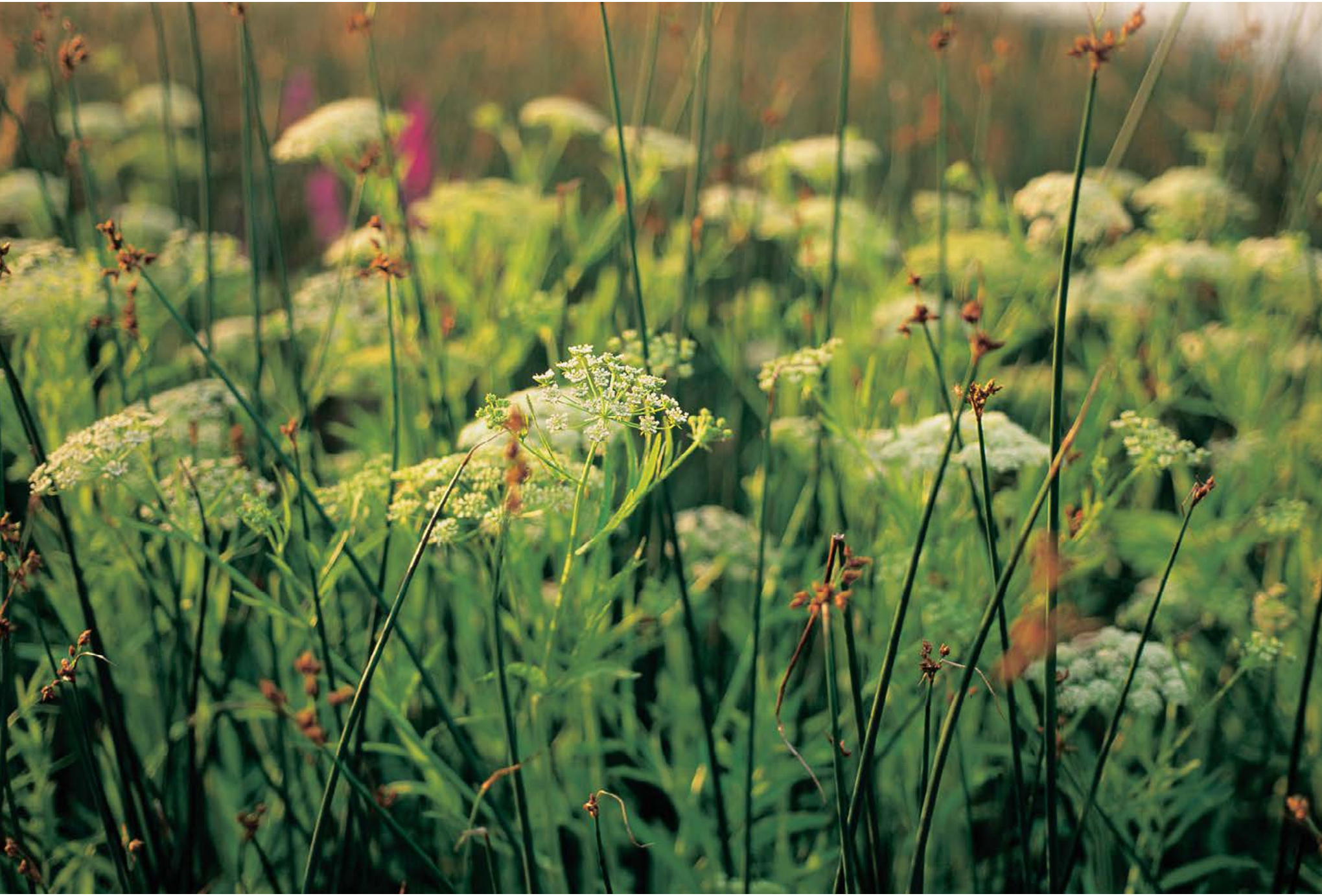
По распоряжению царя все побережье от Петербурга до деревни Красная Горка разбили на одинаковые участки, предназначавшиеся для загородных усадеб знати. Границей их служила грунтовая дорога, названная впоследствии “Петергофской першпективой”, южнее которой какое-либо строительство было запрещено. Еще в первые годы основания Петербурга был издан указ, запрещавший рубку ценных пород деревьев. Нарушителей ждал не только штраф, но и физическое наказание в виде шпицрутенов и даже ссылка в каторгу, а за порубку дуба – смертная казнь. Однако, несмотря на столь суровые меры, к концу XVIII века и эти рощи были уничтожены. Грозные указы не смогли спасти петербургские леса, обреченные рано или поздно уступить место растущему городу.

Строители первых загородных домов и мыз удачно использовали необычный рельеф побережья: на высокой береговой террасе, резко обрывающейся в сторону залива, возводились дворцы, а болотистая местность между обрывом и заливом осушалась, и на ней закладывали парки в регулярном стиле и плодовые сады.

Местность, где находится памятник природы “Стрельнинский берег”, принадлежала сестрам императрицы Анны Иоанновны. Устроенная здесь приморская мыза и перешла впоследствии к императрице. Анна Иоанновна подарила мызу своему духовнику, архимандриту Троице-Сергиевой Лавры Варлааму. В 1733 году он основал здесь монастырь, названный Приморской Свято-Троицкой Сергиевской Пустынью.

По воспоминаниям современников, “внешний вид Пустыни был чрезвычайно красив. Она представляла группу зданий, то величественных, то изящных, необыкновенно эффектно выделяющихся из свежей зелени окружающих ее садов и полей. Золотые кресты и главы церквей, разноцветные стены и крыши зданий, видимые издалека, немало способствовали со своей стороны к усилению эффекта. Местность, занимаемая обителью, была замечательна также очень красивыми видами, открывающимися с северной ее стороны. Направо – на громадный Петербург с позлащенными главами, шпилями и крестами своих церквей и других зданий. Налево – на великолепный Константиновский дворец с его роскошным вековым садом. Прямо – на огромную площадь Финского залива, в летнюю пору покрытого всевозможными судами, которые своим постоянным движением придают много жизни всей местности. В дальней перспективе – Кронштадт, как бы выходящий из морской пучины, со своим лесом мачт и грозными гранитными фортами, рассеянными, как скалы, по влажной стихии”.

Из семи храмов монастыря уцелело только два – Григория Богослова (слева) и самый первый, освященный еще в 1735 году архимандритом Варлаамом во имя преподобного Сергия. Он представляет собой классический образец базилики, прообразом которой послужил храм Преображения на горе Синай. Даже в современном, еще далеко не полностью благоустроенном после многих лет запустения виде, внутреннее пространство храма по-прежнему поражает своим величием: "... Войдя в него, <...> вас ранее всего поражает обширность <...> перспективы храма; вглядываясь в детали его, вас подавляет величественная стройность всей постройки: везде путь взгляду открыт и нет препятствий молитвенному пути мысли..." И сейчас на престольный праздник обители, Троицу, строгое монашеское пение, запах свежескошенной травы словно переносят на полтора века назад, в пору расцвета пустыни под управлением святителя Игнатия (Брянчанинова), оставившего нам глубокие духовные произведения, которые вошли в сокровищницу русской литературы. Многие из них написаны под впечатлением созерцания природы Стрельнинского побережья.



Среди поэтов XIX века, которых вдохновляла природа этих мест, был К.М. Фофанов. Фофанов глубоко и тонко чувствовал природу, ее цвета, запахи и звуки, и умел передавать малейшие изменения в ней. Вспоминая о своем детстве на даче близ Сергиевой пустыни, поэт передает чарующими строками даже неприметное и обыденное в природе.

Мне было три года, когда я впервые
Почувствовал душой всю прелесть бытия.
Был вечер. Таяла заря,
Все светом розовым приятно озаря.
Ложилась косо тень; по яблоням и липам
Чуть ветер пробегал; и шмель с гудящим шипом,
Катаясь на цветке акации густой,
Пугал меня своей мохнатою спиной.
В нагретом воздухе струился запах тмина,
Настурций и гвоздик; и тихо паутина
Катилась серою, чуть видною струной
Меж гроздий наливных рябины молодой...

К.М. Фофанов

Значительное оживление на побережье в летнее время было вызвано открытием в 1857 году движения поездов по железной дороге Петербург – Петергоф. Финский залив – вот что главным образом притягивало петербуржцев. "Близость воды делает воздух чистым и свежим даже в самые жаркие дни лета", – писал один из таких энтузиастов отдыха на Стрельнинском берегу.

Все необозримыми далями белеется,
Тонет взор в безбрежности и отрадно дышится.
Там заря вечерняя, точно уголь тлеется,
Море, как ребенок, в небесах колышется.
Тихо челны движутся, чуть белея парусом,
Вод крылом касается чайка белоснежная.
Облака, что кружева, ярус встал за ярусом,
Но зефир развеет очертанья нежные.
Встанут горы серые вместо башен города,
Львы сереброгрудые поползут, потянутся:
Взморье! Ты и вечером хорошо и молодо,
И тобой утешатся, и тобой обманутся.

К.М. Фофанов

К концу XIX века от “былой барской жизни на петергофской дороге <...> не осталось ни следа, ни предания. Большая часть дач, принадлежавших нашим вельможам, теперь перешла в руки владельцев, фамилии которых с удивлением видишь на воротах, которыя некогда гостеприимно отворялись только для князей, графов и их пышных цуговъ. На широких просеках барских мыз, ведущих до самаго взморья, росли вековыя деревья, <...> извилистые, как речки, пруды, живописныя рощицы посреди таких же полян, насыпныя возвышения, увенчанныя храмами, беседками, величественной архитектуры дворцы – все это кануло теперь в вечность, развалилось и вросло в землю.” (М.И. Пыляев).

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРИ ЗАХОЖДЕНИИ СОЛНЦА

Великолепное светило дня, совершив дневной путь, приблизилось к закату. Склонившись к самому морю и как бы колеблясь над ним, оно пускает прощальные лучи на землю, готовое погрузиться в море бесконечном. Смотрю на это величественное зрелище из окон моей кельи, из недр тихой обители! Предо мною и Кронштадт, и противоположный берег Финляндии, и море, испещренное полосами. <...> Заходящее солнце допускает смотреть на себя глазу человеческому, для которого оно недоступно во все время дневного пути своего, закрываясь от него невыдержимым, ослепительным сиянием.

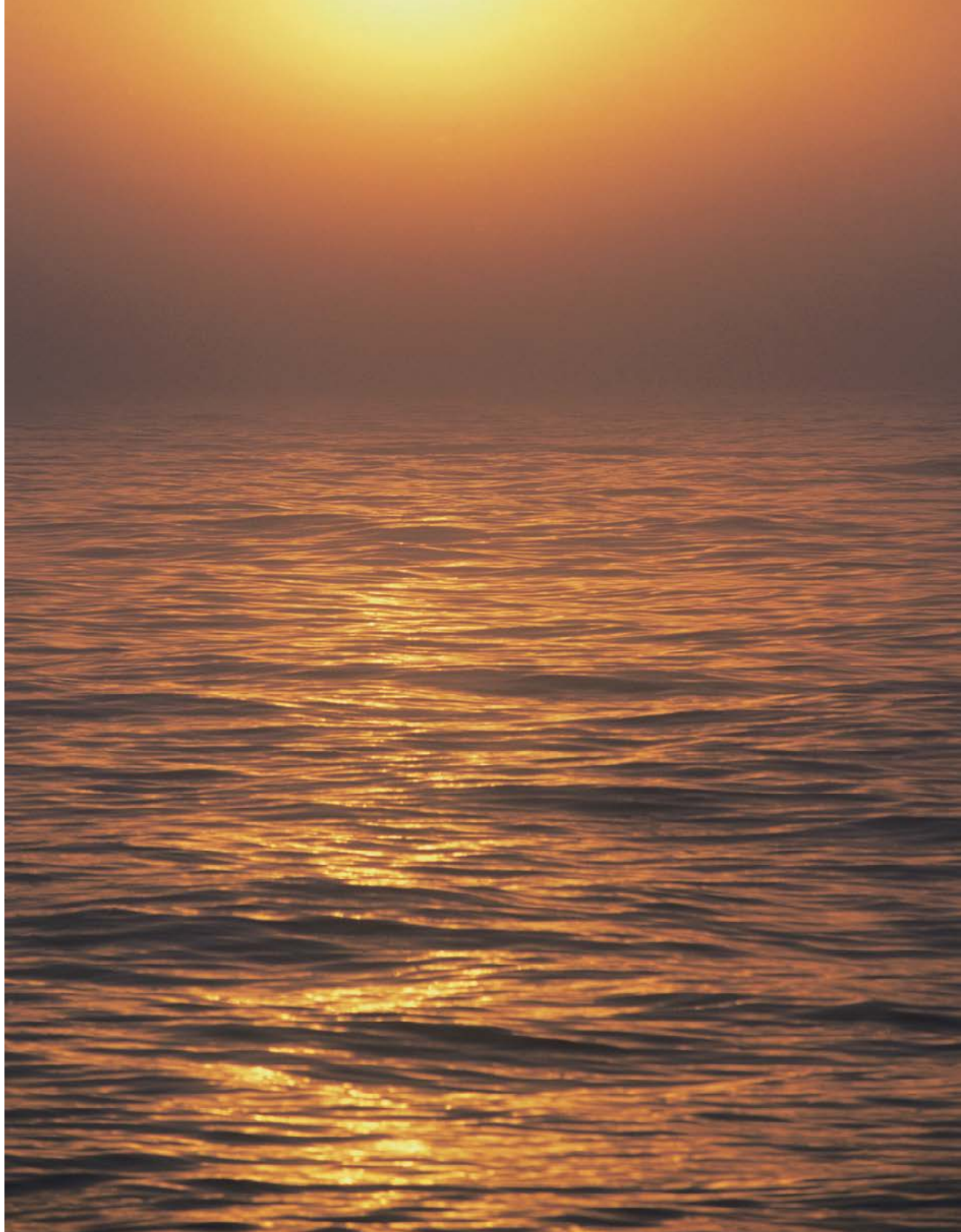
1846 года, Сергиева пустынь, свт. Игнатий (Брянчанинов)

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них — не знаю.

К.Г. Батюшков

После октябрьского переворота Стрельна совсем обезлюдела, дачи были заброшены и постепенно разрушались. Тем не менее, каждого, кто посещал эти места, охватывало двойственное чувство – восторга от природы и горечи от царящего в городе запустения, лежащего в руинах Константиновского дворца, опустевшего Сергиева монастыря. "...Довольно печальная прогулка по <...> пустырям мертвого города", – писал в 1919 году Александр Блок. Но вскоре грустные приметы времени отскочили, как шелуха, и его вдохновенному взору явилось иное: "...Ни одной живой души, только столетние деревья, заросшие каналы, непомерно высокие неподвижные травы; мы шли все медленнее, медленнее, и вдруг налетел свежий ветер, дохнул в лицо солью, простором, еще миг – и спокойное, чуть дрожащее, еще закрытое утренним туманом, перед нами открылось море...".

И эта Стрельна отошла в прошлое: что-то поглощено городом, что-то попросту разрушено и безвозвратно утрачено. Однако по-прежнему с тропы, бегущей вдоль канала к морю, так же неожиданно открывается оно, поражая после городской суеты своим простором, свежим ветром, пьянящим воздухом и прекрасными видами на Петербург, Кронштадт и южный берег Финского залива, созерцание которых вдохновляло и вдохновляет возвышенные души.



памятник природы

“Парк Сергиевка”

С природою искусство сочетав,
Прекрасны вы, задумчивые парки:
Мне мил ковер густых, хранимых трав
И зыбкие аллей прохладных арки,
Где слаще мир мечтательных забав,
Где тень мягка и где луги нежарки,
Где веет всё давно забытым сном
И шепчутся деревья о былом.

К.М. Фофанов

Имение Сергиевское на западной окраине Петергофа, названное по имени Сергея Петровича Румянцева, младшего сына прославленного полководца Румянцева-Задунайского, было подарено Петру Александровичу за его заслуги перед Отечеством. В 1733 г. эти земли, включая ту территорию, на которой ныне располагается парк "Сергиевка", были переданы императрицей Анной Иоанновной выдающемуся проповеднику, публицисту и общественному деятелю, новгородскому архиерею Феофану Прокоповичу. Большой ценитель красивых пейзажей, он построил здесь семинарию, возможно, считая, что достоинства приморского ландшафта будут способствовать учебному процессу и нравственному совершенствованию учеников. Здания семинарии располагались на месте нынешнего Сергиевского имения. Впоследствии оно перешло к Нарышкиным, потратившим на обустройство пейзажного парка с его огромными великолепными дубами, запрудами, мостами, каскадами и лестницами почти 1 миллион рублей.

Во времена Николая I владельцем Сергиевки был сын "покойного обер-гофмаршала Кирилы Александровича Нарышкина", который вынужден был избавиться от имения ввиду запутанности дел своего родителя и, через графа Бенкендорфа, предложил купить его императорскому дому. К началу XIX века это был один из чудесных живописных парков с дворцовыми и служебными постройками, с многочисленной скульптурой и фонтанами, раскинувшийся на высоком уступе приморской террасы Финского залива.

Однако теснее всего дача Сергиевка связана с именем "любезной дочери" императора Николая I Марии. 1 января 1839 года Николай I в качестве свадебного подарка пожаловал "дачу сию любезнейшей дочери Марии на вечное и потомственное владение". В это время Мария Николаевна готовилась вступить в брак с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Вскоре в имении началось строительство нового дворца, взамен обветшавшего Нарышкинского, которое было поручено выдающемуся русскому архитектору А.И. Штакеншнейдеру. По его проекту на месте старого деревянного нарышкинского дома был возведен каменный дворец. Во времена Марии Николаевны он напоминал виллу римского патриция, растворяющуюся в окружающем пространстве парка. Широкие террасы, затканные листьями вьющихся растений, придавали дворцу "волшебный вид".

Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?

А.К. Толстой

Случается, что разделенные пространством географические пункты становятся непостижимым образом связаны посредством людей, светлые и трагические дни которых прошли в этих местах. Так оказались переплетены исторические судьбы Стрельнинского берега и имения Сергиевское. Еще будучи престолонаследником, Великий Князь Николай Павлович (будущий император Николай I) являлся генерал-инспектором Петербургского инженерного училища. Особое расположение он испытывал к одному из своих личных пансионеров Дмитрию Брянчанинову, которому суждено было стать впоследствии настоятелем Сергиевской пустыни, святителем Игнатием. Святитель Игнатий на многие годы сохранил близкую связь с императорской семьей (история этого знакомства изложена Н.С. Лесковым в рассказе "Инженеры-бессребреники"), поэтому неудивительно, что именно его летом 1848 года Мария Николаевна пригласила служить молебен в недавно выстроенном храме Живоначальной Троицы своего Ново-Сергиевского дворца.

"Нынешний день должен носить наименование «дня благополучного». <...> Основывая свою летнюю обитель на берегах Бельта, на живописном холме среди чащи развесистых вековых деревьев, Мария назвала обитель по имени преподобного Сергия. По собственному чертежу ее устроенный храм стоит на оконечности двух аллей, обе они ведут от чертога царского к чертогу Божию. <...> До 15 июня стояла в Петербурге погода ненастная, бурная. <...> С утра легкий ветер разогнал облака, благоухание лета разлилось в воздухе, на чистом синем небе сияло солнце во всем блеске. Небо казалось каким-то радостным, <...> при шуме волн, при шуме ветра морского раздавались молитвенные песнопения преподобному Сергию", – писал по этому поводу святитель Игнатий.

Мария Николаевна чуждалась придворной суеты и полюбила уединение в Сергиевском имении, к которому ее в большой степени располагал прекрасный пейзажный парк с вековыми хвойными деревьями и дубами, лужайками, фонтанами вокруг дворца, разнообразными галереями, павильонами и многочисленной парковой скульптурой. Над созданием парка работал выдающийся садовый мастер Петр Иванович Эрлер, известный своими замечательными творениями в Петродворце.

Эта светлая аллея
В старом парке — по горе,
Где проходит тень Орфея
Молчаливо на заре.

Весь прозрачный — утром рано,
В белом пламени тумана
Он проходит, не помяв
Влажных стеблей белых трав.

Кто-то вздрогнул в этом мифе.
Щебет птиц. Далекий клюв.
Как струна на чьей-то лире
Зазвенел по ветке луч.

Всё распалось. Мы придем
Снова в миф, чтоб видеть сны.
И становится невидим
Бог рассветной тишины.

М.А. Волошин

В солнечные ясные дни выходил я на крыльцо, садился на скамейку, смотрел на обширный сад. Наготa его покрывалась снежным покрывалом; кругом все тихо, какой-то мертвый и величественный покой. Это зрелище начало мне нравиться: задумчивые взоры приковывались к нему, как бы высматривая в нем тайну. <...> Внезапно упала завеса с очей души моей: пред ними открылась книга природы. <...>. Если б мы не привыкли видеть оживление природы весною, то оно показалось бы нам вполне чудесным, невероятным. Не удивляемся от привычки; видя чудо, уже как бы не видим его! Гляжу на обнаженные сучья дерев, и они с убедительностью говорят мне своим таинственным языком: "Мы оживем, покроемся листьями, заблагоухаем, украсимся цветами и плодами: неужели же не оживут сухие кости человеческие во время весны своей?" <...> И ежегодно повторяет природа пред глазами всего человечества учение о воскресении мертвых, живописуя его преобразовательным, таинственным действием!

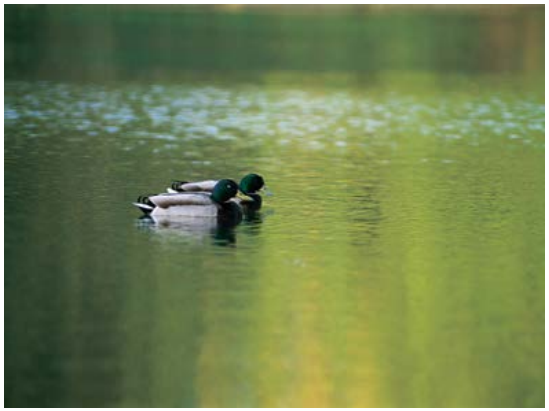
1843 года, Сергиева Пустынь, свт. Игнатий (Брянчанинов)

Учитывая своеобразие рельефа и растительности парка, Эрлер создал уникальную ландшафтную композицию, удивляющую неожиданными цветовыми акцентами то покрытых хрустальным инеем деревьев среди однообразно белой снежной пелены, то буйной весенней зелени папоротников по берегам ручьев, то “багреца и золота” дубов и кленов с приходом осени. Особую красоту парку придавали многочисленные искусственные пруды с плотинами и два глубоких оврага, прорезающих парк с севера на юг. По дну оврагов к заливу устремлялись ручьи, через которые были сооружены живописные каменные мостики.

Своей красотой парк привлекал к себе замечательных русских художников. В 50-е годы XIX века молодой Алексей Кондратьевич Саврасов по специальному приглашению Марии Николаевны приехал сюда, чтобы запечатлеть виды Сергиевки и ее окрестностей. Две картины Саврасова, выполненные в Сергиевке, – "Вид в окрестностях Ораниенбаума" и "Морской берег в окрестностях Ораниенбаума" – принесли ему позже звание академика живописи. Картины, написанные в Сергиевке, привлекают лиричностью воспроизведения природы. С любовью передает Саврасов очарование летнего вечера на взморье, влажность морского воздуха в тени огромных валунов, сумрак под широко раскинувшимися ветвями вековых Сергиевских дубов. Недалеко от западных границ Сергиевки И.И. Шишкин писал свои знаменитые мордвиновские дубы.

Маститые, ветвистые дубы,
Задумчиво поникнув головами,
Что старцы древние на вече пред толпами,
Стоят, как бы решая их судьбы.
Я тщетно к их прислушиваюсь шуму:
Все не поймать мне тайны их бесед...

А.Н. Майков

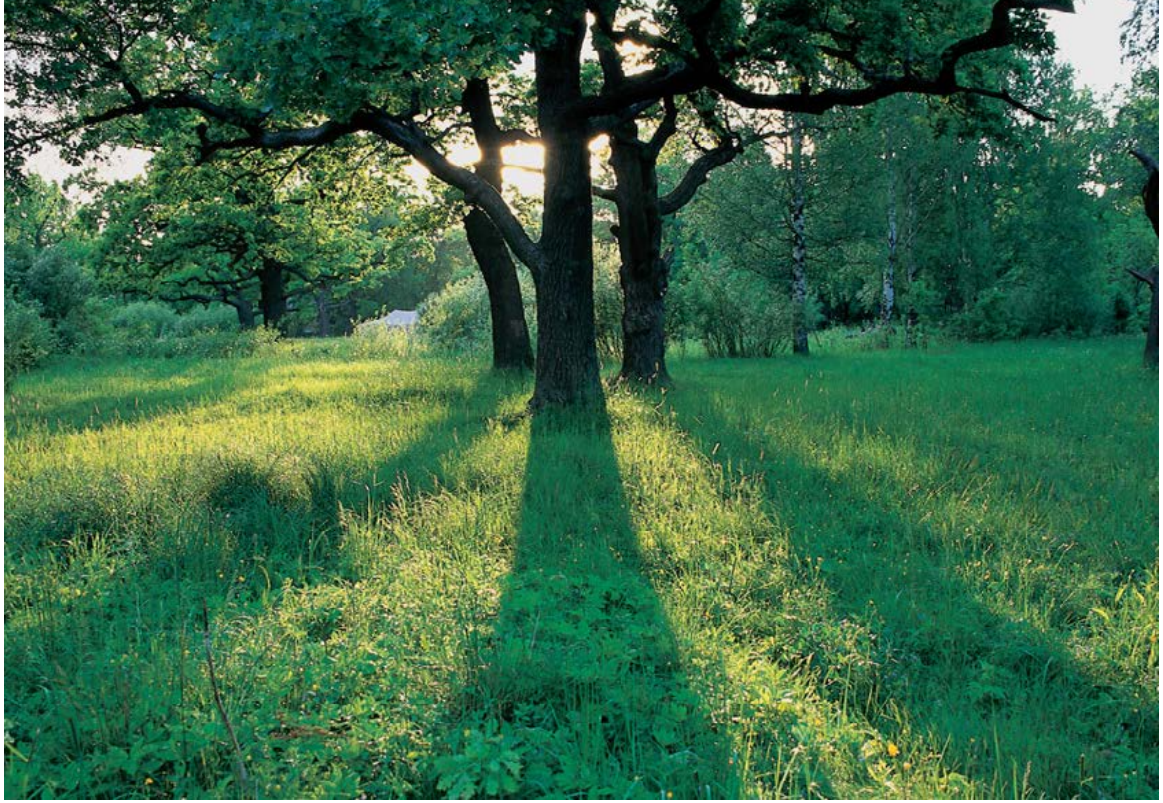


Скончалась Мария Николаевна 9 февраля 1876 года. По завещанию ее дача Сергиевка осталась в нераздельной собственности сыновей. Средний из них, Николай Максимилианович Лейхтенбергский, был президентом минералогического общества, и один из открытых им минералов был назван в его честь – лейхтенберит. Остальные трое сыновей Марии Николаевны, как большинство дворян того времени, служили в армии и проявили храбрость в военных сражениях.

В начале 1905 года семья младших Лейхтенбергских, по воспоминаниям учителя французского языка Пьера Жильяра, из Крыма "переехала на прекрасную Сергиевскую дачу в Петергофе. Контраст был разительный: сухое побережье южного Крыма, маленькие татарские деревушки, скрытые в горах, и пыльные кипарисы сменились огромными сосновыми лесами и очаровательною свежестью берегов Финского залива...".

Весьма трагично сложилась судьба потомков первой владелицы Сергиевского дворца в наступавшие бурные годы начала XX столетия. Многие из них вынужденно покинули родину или погибли в годы репрессий. Печальная участь ожидала и дворцовое здание. Имение национализировали, на его территории организовали совхоз, а дворец заняла детская коммуна.

В 1919 году, занимаясь формированием Петергофской экскурсионной станции, профессор Петроградского университета К.М. Дерюгин обследовал окружающие территории, в результате чего уже через год состоялось официальное открытие на территории парка "Сергиевка" естественно-научной станции университета, которую вскоре преобразовали в Петергофский естественно-научный институт.



РОСА

По синему безоблачному небу в прекрасный летний день великолепное светило совершало обычный путь свой. Горели златые кресты соборного пятиглавого храма, воздвигнутого во славу Всесвятыя Богоначальныя Троицы; серебристые купола его отражали ослепительное сияние лучей солнечных. За оградою того монастыря, к восточной стороне, лежит обширный луг. Тогда он был покрыт густою, нежною травою, разнородными дикими цветами, которые цвели и благоухали бесконечно на свободе и приволье. В тот день упала на него обильная роса. Бесчисленные ее капли виднелись на каждом цветке, на каждом стебельке и мелком листочке, а в каждой капле изображалось с отчетливостью солнце; каждая капля испускала лучи, подобные лучам солнца. Луг имел вид широко постланного бархатного ковра, на котором по яркой густой зелени роскошная рука рассыпала бесчисленное множество разноцветных драгоценных камней с превосходным отливом, игрою, с лучами и сиянием.

1843 года, Серпиева Пустынь,
свт. Игнатий (Брянчанинов)

И вот сентябрь! Замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла вьётся вкруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

Е.А. Баратынский

На детальном плане усадьбы, составленном архитектором А.И. Штакеншнейдером в 1843–1846 гг., на восточном берегу Воронцовского пруда указаны два памятника – императору Александру I и его жене, императрице Елизавете Алексеевне, постаменты от которых сохранялись еще в 1970-е годы, недалеко от загадки парка – головы из камня, и сейчас вызывающей удивление посетителей. Считается, что камень изображает голову спящего воина, и на нем раньше был стальной шлем, как у русского богатыря, что подтверждает отверстие на переносице, которое осталось от крепежа защитной вертикальной пластинки.

Во время Великой Отечественной войны территория парка оказалась передней линией обороны Ораниенбаумского плацдарма, через всю территорию парка, как шрам, проходила линия окопов, дворец был разрушен обстрелами и бомбежками, от него остались одни только стены. В послевоенные годы здание дворца восстановили, но без прежнего внешнего и внутреннего убранства. В начале 80-х годов были восстановлены плотины, пруды, дренажная система, а также проведена вырубка поврежденных деревьев.

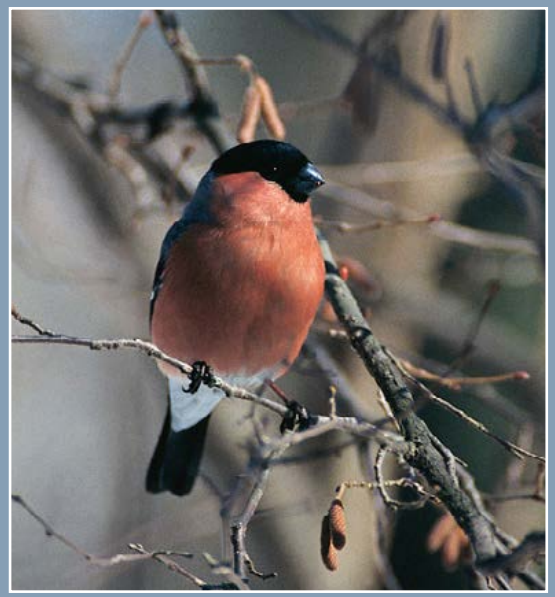
К сожалению, от былого великолепия мало что осталось, и в настоящее время природа парка все более принимает свой первозданный облик. Утрачены многие строения, почти полностью исчезла парковая скульптура, сохранились лишь отдельные элементы, украшавшие парк в прошлом. Два огромных камня, часто встречающихся на гравюрах XIX века, можно найти и сейчас. Они лежат на дне оврага у каскада из Большого пруда. С большим трудом можно найти место, послужившее сюжетом знаменитых картин Саврасова, – так сильно зарос лесом береговой уступ, с которого во времена Марии Николаевны открывался простор Финского залива.

И вот правителя дворцы
Добычей сделались забвенья,
Оделись пестрые зубцы
Травой и прахом запустенья;
И мхом фонтаны заросли;
Плющи, ползущие по хорам,
От самых сводов до земли
Зеленым падают узором,
И мак спокойно полевой
Растет кругом на звонких плитах,
И ветер, шелестя травой,
В чертогах ходит позабытых.

А.К. Толстой

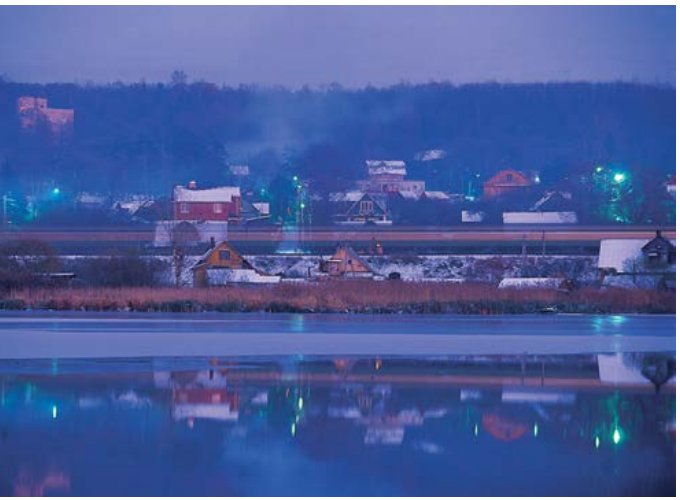
памятник природы

“Дудергофские высоты”



Дивись не величью застывших красот
Природы, вздыхающей глухо.
К тебе переходит одна из высот
Вершин человеческого духа.

М.М. Дудин



К югу от прибрежных низин Финского залива, на которых расположены памятники природы "Парк Сергиевка" и "Стрельнинский берег", в 20 км к юго-западу от Петербурга лежит равнина, однообразие которой нарушается лишь редкими невысокими холмами, среди которых выделяется Дудергофская возвышенность. Считается, что она образовалась под воздействием края наступавшего ледника, нагромоздившего здесь принесенный обломочный материал и смявшего в складки горизонтально лежавшие пласты породы. Перед возвышенностью находится обширная долина, которую прорезает извилистое русло неширокой, но быстрой реки Дудергофки. Здесь же расположены три озера – Дудергофское, Долгое, Безымянное. Поднявшись на Дудергофские высоты, можно охватить взором панораму Красного Села и его окрестностей. В ясную погоду отсюда видны южный берег Финского залива, Петербург, Пулково, Пушкин.

В XVI–XVII веках территория нынешнего памятника природы относилась к Дудоровскому погосту Водской пятины. Его название, по-видимому, произошло от горы Дудора (финское слова Tuutari означает "гора", "холм"), которая упоминается в Новгородских писцовых книгах. Шведы, захватив эти земли, стали именовать их Ингерманландией. Пытаясь выкорчевать все русское, они разрушали славянские поселения и переселяли сюда финских крестьян. Именно тогда здесь появились многочисленные финские названия, сохранившиеся и до нашего времени.

В результате Северной войны Петру I удалось окончательно вернуть эту территорию России. Дудергофскую мызу Петр I подарил своей жене, будущей императрице Екатерине I. Нередко весь двор ездил в эти места "потешиться катанием с гор в санях".

Близость к Санкт-Петербургу и царским резиденциям в Петергофе и Царском Селе способствовала тому, что в царствование Екатерины II на западном берегу Дудергофского озера у подножия гор разместили летние военные лагеря гвардии. Они представляли собой довольно живописную картину. Кавалерийские полки располагались обыкновенно в избах и дворах по деревням и слободам, а пехота – в открытом поле, в палатках, покрывающих видимое пространство кругом Красного Села. В эти лагеря армию выводили такими корпусами, "в коих бы можно было не токмо солдатство ружейной экзерциции обучать <...>; генералам подать случай показывать новые опыты доказанного уже ими искусства; но, вспоминая прежние свои подвиги, доказать <...> сколь охотно и усердно все и каждый понесли бы жизнь свою <...> в оборону своего Отечества".

В 1834 году, находясь на службе в лейб-гвардии гусарском полку, в этих лагерях бывал молодой прапорщик М.Ю. Лермонтов. Об этом напоминают его рисунок "Маневры в Красном Селе" и поэма "Монго", в которой упоминается природа Дудергофских окрестностей.

Садится солнце за горой,
Туман дымится над болотом,
И вот дорогой столбовой
Летят, склонившись над лукой,
Два всадника лихим полетом...

М.Ю. Лермонтов

Примечательно, что каждый полк имел свою полковую церковь: Всех Святых – в лейб-гвардии Конно-Гренадерском полку, Казанской иконы Божией Матери – в лейб-гвардии Кавалергардском полку, св. мученика Иоанна Воина – в лейб-гвардии Уланском полку, а на берегу Дудергофского и Долгого озер, в Авангардном лагере – храм Николая Чудотворца. Храмовые здания, несомненно, организовывали окружающий ландшафт. С Дудергофских высот открывалась великолепная панорама окрестностей Красного Села с расположавшимися на возвышенных местах 11 храмами. Только два из них – св. Александра Невского и Святой Троицы (маленькая точная копия Петропавловского собора) – сохранились до наших дней. От остальных церквей, каждая из которых была выстроена по оригинальному проекту, не осталось и камня на камне.

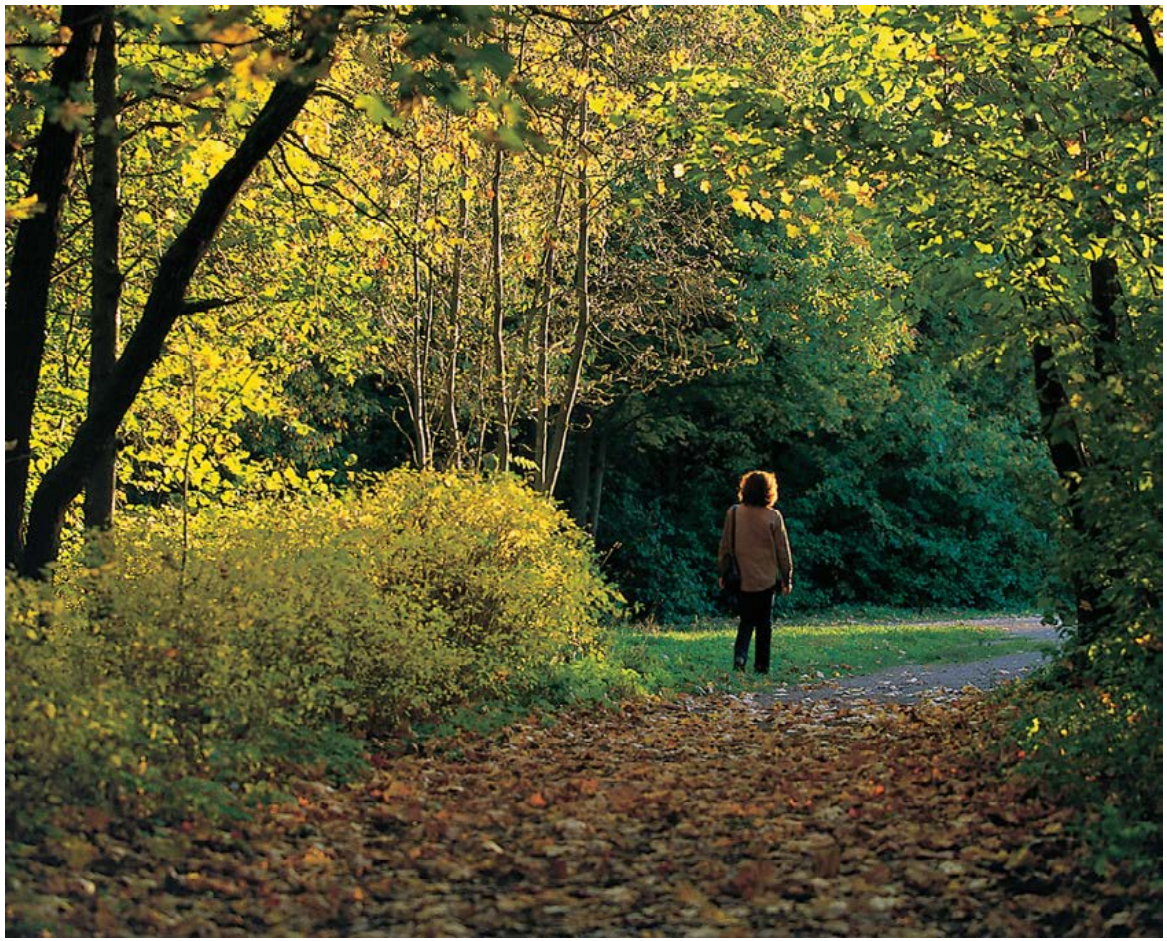
С восшествием на престол Николая I началось освоение Дудергофской возвышенности. Эти земли были подарены императором своей супруге – императрице Александре Федоровне. По ее приказанию лес местами был расчищен, проведены английские дорожки, устроены лестницы из песчаника, разведены два фруктовых сада. От выстроенного на одной из вершин Швейцарского домика дорожка приводила к источнику в виде небольшого грота. В долине, вблизи узкого длинного пруда, располагался Молочный домик с небольшим садиком.

После смерти императрицы Александры Федоровны в 1861 году Дудергоф перешел по наследству к ее сыну, великому князю Михаилу Николаевичу. При нем Дудергоф стал одним из известнейших дачных пригородов Петербурга. Число желающих отдыхать летом в этой местности особенно увеличилось после 1858 года, когда была проведена железная дорога до Красного Села. Но, несмотря на растущее число дач, они не стали ведущим элементом Дудергофского ландшафта. Великий князь Михаил Николаевич ставил перед арендаторами довольно жесткие условия: запрещалось вырубать деревья, даже те, что грозили падением; все пересадки саженцев из парка велись только под наблюдением садовника.

В 1879 году местный дачевладелец, тафельдекер императорского двора Тимофей Учителев, выступил с ходатайством позволить ему возвести в Дудергофе церковь и инвалидный дом для отставных солдат и офицеров. Он же первым сделал пожертвование в размере 20 000 рублей. Великий князь Михаил Николаевич выделил под строительство неосвоенный участок, примыкающий к парку с юго-запада. Здесь по проекту архитектора В.И. Токарева была возведена церковь во имя святой равноапостольной княгини Ольги, в московском стиле с колокольней, имевшей высоту 12 саженей, которая была видна с любой точки имения. Вскоре был построен и комплекс инвалидного дома, разбит сад и вырыты два пруда. В 1897 году на средства графини М.А. Сольской в Дудергофе были устроены детский приют-колония и лазарет для раковых больных. Церковь св. Ольги была закрыта в 1929 году, а в ее стенах устроена фабрика по производству кинопленки.

Пышная растительность Дудергофских высот скрывала застройку, и с парковых дорожек она была практически не видна. Перспективы, открывавшиеся с гор Вороньей и Ореховой, были направлены дальше, на окружающий ландшафт. Красота и своеобразие природы Дудергофских высот, необычный вид с гор способствовали росту популярности парка среди дачников, особенно в летнее время. Поэтому в 1885 году в долине близ Молочного домика были построены театр, тир, павильоны для панорамы и продажи фруктов, карусели, а в бывшем Молочном домике открыли буфет. Долину благоустроили, разбили цветники, с этих пор она получила название Театральной и стала излюбленным местом отдыха и развлечений петербуржцев.

После революции популярность парка ничуть не уменьшилась. В советский период он был назван “Нагорное”. Живописная природа и проводившаяся здесь культурно-массовая работа привлекала на Дудергофские высоты много людей. В Швейцарском домике императрицы Александры Федоровны посетителям парка выдавали напрокат спортинвентарь, гамаки, музыкальные инструменты, игры и даже самовары. В эти годы парк выглядел практически так же, как и в XIX веке: Ореховая гора была покрыта ельником с примесью широколиственных пород, а Воронья – смешанным сосново-еловым лесом. Зимой парк использовался для лыжного спорта, устраивались соревнования по катанию с гор и прыжкам с трамплина.



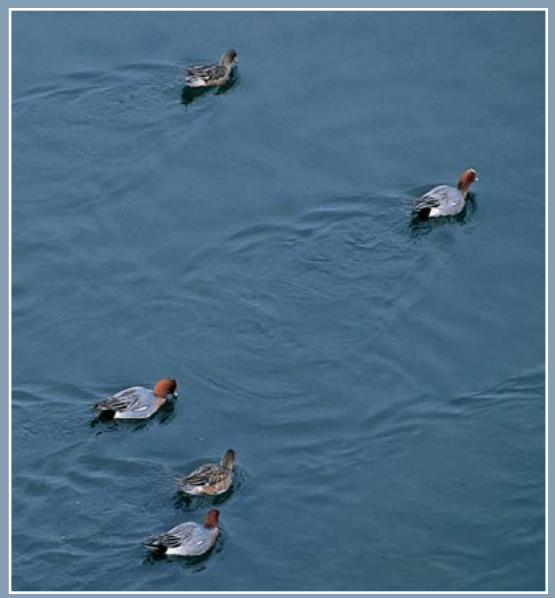
...Нам тихий свой привет
Шлет осень мирная. Ни резких очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережита
Пора роскошных сил и мощных трепетаний;
Стремленья улеглись; иная красота
Сменилась прежнею; ликующего лета
Лучами сильными уж боле не согрето,
Природа вся полна последней теплоты;
Еще вдоль влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины...

А.К. Толстой

Огненной лавиной выжгла Дудергофские высоты Великая Отечественная война. 9 сентября 1941 года два немецких корпуса после сильной артиллерийской и авиационной подготовки начали наступление на Дудергофские высоты. У южного подножия горы Ореховой стояли тяжелые орудия, снятые с крейсера "Аврора". Русские моряки стояли насмерть, "не пропуская в град святого Петра вражеские полки". Память погибших моряков-авроровцев, доказавших своим подвигом любовь к Отечеству, была увековечена монументом.

В 1944 году во время операции Советской армии по снятию блокады немцы, стремясь остановить наступление наших войск, взорвали плотину, которая сдерживала воды Дудергофских озер. Вся нижняя часть Красного Села была затоплена. Бойцы сражались по пояс в ледяной воде. Бой был исключительно жестоким: теперь уже русские солдаты середины двадцатого столетия – преемники тех, которые "вспоминали свои подвиги" под Красным Селом – отдавали свои жизни за Отечество под Вороньей горой.

заказник “Южнотоловский”



А небо так чисто, светло, безмятежно,
Что вон — далеко в стороне —
Я вижу — мелькнул рыболов белоснежный
И тонет теперь в вышине.

Листы шелестят у меня под ногами,
Два дятла где-то стучат...
А солнышко тихо встает над полями,
Озера румянцем горят.

К.Д. Бальмонт

Территория Юнтоловского заказника лежит в пределах плоской заболоченной низины Финского залива, в так называемой Лахтинской впадине – одном из заливов Литоринового моря (по названию моллюска Littorina, и поныне обитающего в водах Балтийского моря), некогда покрывавшего всю территорию современного Петербурга. С течением времени морская лагуна мелела и превратилась в болотистую низину, заросшую обширными тростниковыми зарослями. Значительную часть ее занимает озеро Лахтинский разлив и окружающее его болото. С севера к ним примыкает довольно обширный массив Юнтоловской лесной дачи, ограниченный впадающими в разлив речками Каменкой и Юнтоловкой. На сравнительно небольшой территории заказника можно и поныне наблюдать картины той нетронутой человеком природы, которую видели современники Петра I, когда еще не было Петербурга.

Археологические находки свидетельствуют, что "финский рыболов, печальный пасынок природы" поселился в этих краях задолго до основания северной столицы, отсюда и финское название местности – "лахта" (в переводе "залив", "бухта"). Первое письменное упоминание о небольшой деревне, положившей начало Лахте, относится к 1500 году. В отличие от других окрестностей Санкт-Петербурга, которые практически сразу после завоевания были подарены Петром I своим подданным, мыза Лахта вплоть до середины XVIII века находилась в ведении "Канцелярии от строений, дворцов и садов".

Начало частному землевладению в Лахте положила Екатерина II. В 1764 году императрица пожаловала "мызу Лахту.. со всеми к сей мызе приписными землями, лесами, сенными покосы и всякими угодьи, и чем те крестьяне ныне владеют" своему фавориту генерал-фельдцехмейстеру графу Григорию Орлову. Впоследствии мыза Лахта поменяла нескольких хозяев, пока в 1844 году имение не перешло во владение графов Стенбок-Ферморов. Владимир Александрович Стенбок-Фермор происходил из знатной и богатой семьи. Его отец Александр Иванович принадлежал к старинному шведскому роду Стенбоков, а мать Надежда Алексеевна была правнучкой знаменитого заводчика Саввы Яковлева и считалась в XIX веке одной из самых богатых женщин России.

Стенбок-Ферморы большую часть времени жили в Петербурге и в имение приезжали довольно редко. Все дела были отданы в руки поверенного графа П.А. Ахочинского. Так продолжалось и первые несколько лет при Владимире Александровиче, так как к тому моменту, когда он стал владельцем Лахты, ему было всего 13 лет. Заниматься делами имения он стал только с 1880-х годов, после того как ушел в отставку с военной службы.

Владимир Александрович любил свое Лахтинское имение. На берегу залива по проекту архитектора А.И. Кузнецова он выстроил каменный двухэтажный особняк, получивший название "Охотничий замок", где граф и проводил большую часть времени. Этот особняк знаменит, в частности, тем, что именно сюда после полярной экспедиции на Новосибирские острова, снаряженной на средства графа, были доставлены для препарирования останки мамонта, впоследствии подаренного им Парижской академии наук.

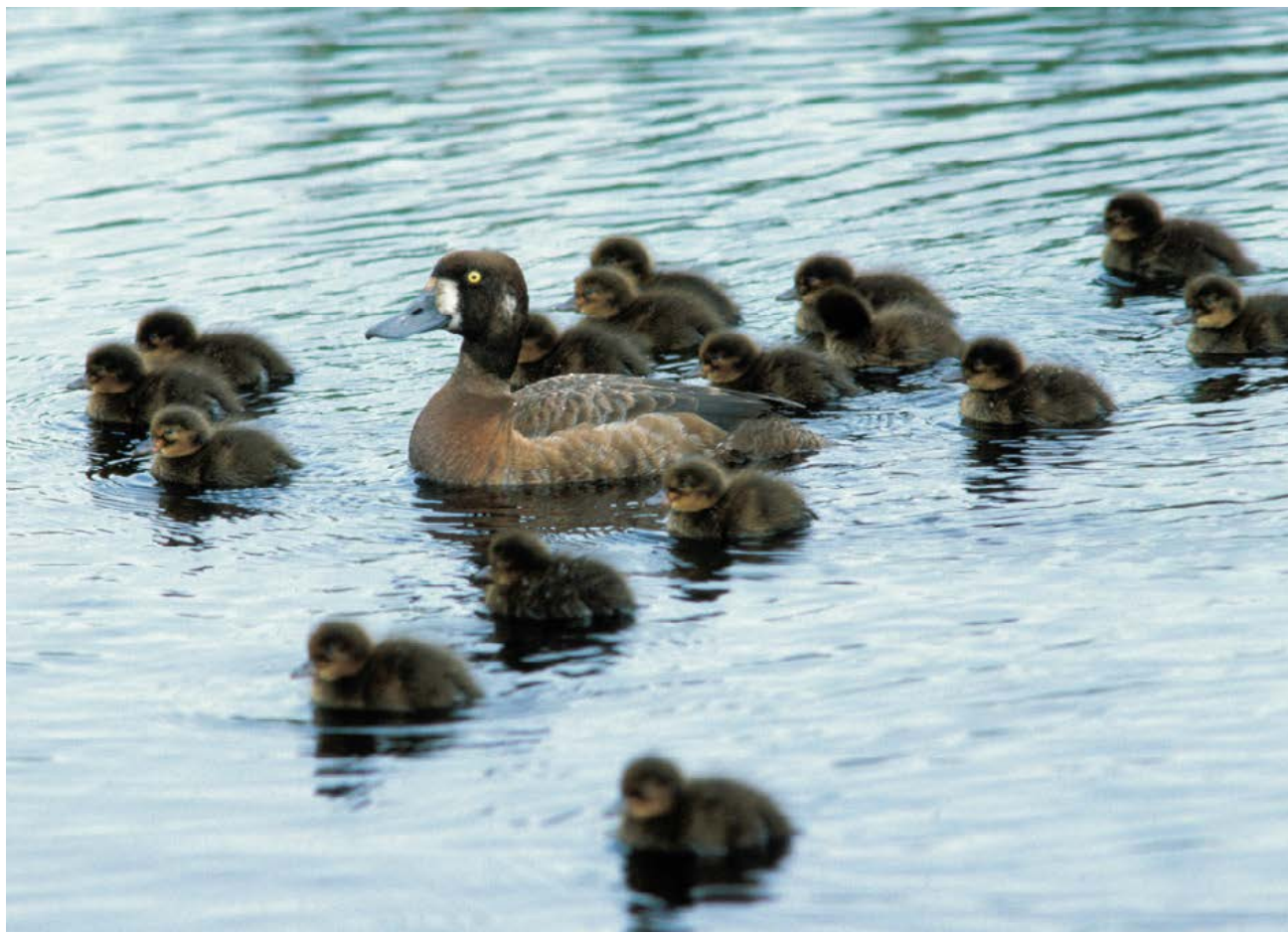
На средства, пожертвованные Стенбок-Феромором, в Лахте построили церковь, двухэтажное здание для церковно-приходской школы и приют. Церковь во имя апостолов Петра и Павла была установлена в память подвига Петра I, который, возвращаясь из своей усадьбы "Ближние дубки" 5 ноября 1724 года оказался свидетелем того, как плывший из Кронштадта бот с солдатами сел на мель. Петр велел приблизиться к судну и принялся помогать солдатам, стаскивать бот с мели и спасать людей. Стоя по пояс в воде, он жестоко простудился и по возвращении в Петербург оправиться от недуга так и не смог. До строительства церкви на этом памятном месте находился большой киот с иконами.

Именно при графе Владимире Александровиче началось планомерное осушение Лахтинской впадины. Все болото было покрыто дренажными канавами. Они выводились в соседние речки – Каменку и Юнтоловку, а участки торфяника после осушения использовали под сенокосы и пастбища. Также во второй половине XIX века для защиты от наводнений в проливе, соединяющем Лахтинский разлив с Невской губой, была насыпана земляная дамба, однако из-за небольшой прочности и высоты вода залива при наводнениях размывала ее.

Постепенно этой местностью стали интересоваться дачники. Они появились в Лахте уже в 30-х годах XIX века, однако первые дачники были совсем немногочисленными. В путеводителях того времени слабый интерес к Лахтинскому разливу объясняли тем, что "местность эта по большей части болотисто-песчаная, низкая... бедная растительностью... Сильная влажность, сырость отражаются на здоровье местных жителей и дачников в летнее время, наделяя их простудными заболеваниями".

Но со временем горожане среднего достатка облюбовали в качестве дачной местности Новую и Старую Деревни неподалеку от Лахты. Жилье здесь было довольно дешевым, так как финские крестьяне на лето отдавали дачникам свой дом, а сами перебирались в сараи. В середине прошлого века через Лахтинский залив был наведен оригинальный плавучий мост трехсот саженей длины, "который так устроен, что, держась между двумя рядами вбитых поперек разлива свай, постепенно, по мере прибыли и убыли воды, поднимается".

В 1895 году частное акционерное общество построило тридцатикилометровую железную дорогу, связавшую Петербург с курортом Сестрорецк. Железная дорога вдохнула новую жизнь в этот район. Северное побережье Финского залива стало одним из самых модных дачных мест в окрестностях Петербурга. Появились многочисленные акционерные общества, занимающиеся устройством пригородных поселков и разработкой проектов загородных домов. Летом залив был усеян лодками. Рай наступал и для охотников: в заросших тростниками Лахтинских угодьях гнездилось и останавливалось на пролете множество птиц. Таким образом, дачный бум дошел и до Лахтинского имения графов Стенбок-Ферморов.



Лягушка, взгромоздясь, как на подмостки,
На старый пень, торчащий из воды,
На солнце нежится и дремлет... Белым
Пушком одеты тощие цветы;
Над ними мошки вьются роем целым;
Лишь незабудок сочных бирюза
Кругом глядит умильно мне в глаза,
Да оживляют бедный мир болотный
Порханье белой бабочки залетной
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростинок тощих и сухих.
Ах! Прелесть есть и в этом запустенье!..
А были дни, мое воображенье
Пленял лишь вид подобных тучам гор,
Небес глубоких праздничный простор,
Монастыри, да белых вилл ограда
Под зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восход
Между колонн руины молчаливой,
Над серебром с горы падущих вод...
Мне в чудные гармоний переливы
Слагался рев катящихся зыбей;
В какой-то мир вводил он безграничный,
Где я робел душою непривычной
И радостно присутствие людей
Вдруг ощущал сквозь этот гул упорный,
По погремушкам вьючных лошадей
Тропинкою спускающихся горной...

А.Н. Майков

К началу XX века в имении сменился владелец, им стал сын графа Стенбок-Фермора Александр. Молодой граф прославился своей расточительностью, которая дошла до того, что его мать была вынуждена просить императора Николая II установить над ним опеку. Чтобы улучшить свое финансовое положение, Стенбок-Ферморы вынуждены были продавать земли Лахтинского имения под дачи по частям. Возникшие поселки были названы по именам прежних владельцев: Ольгино, Владимировка и Александровка. В летнее время петербуржцы добирались сюда водным путем от Николаевской пристани небольшими судами Финляндского общества легкого пароходства, а после прокладки железной дороги по защитной дамбе в проливе, соединяющем Лахтинский разлив с Невской губой, и поездом от Новой Деревни, где у сада "Аркадия" находился вокзал.

С началом Первой мировой войны количество дачников заметно уменьшилось, но графиня Стенбок-Фермор осталась в Лахте. Она оборудовала свою лахтинскую резиденцию "Охотничий замок" под лазарет для раненых.

В очаровании русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда за темной чащей леса
Вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Вздохнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь прозрачное стекло,
Вся грудь реки приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.

Н.А. Заболоцкий

Вскоре после революции 1917 года по распоряжению комиссариата Народного Просвещения в Охотничьем замке разместилась Лахтинская Экскурсионная станция, которая силами подлинных энтузиастов "многое осуществила в деле естественно-научного изучения всего побережья Невской губы". При этой станции был создан интересный музей природы северного побережья с отделами: зоологическим, орнитологическим, ботаническим, археологическим, геологическим и почвенным. Перед входом в музей висела картина И.И. Никифорова "Лахтинское взморье у Экскурсионной станции с часовней". Надо сказать, что живописные лахтинские пейзажи не раз вдохновляли художников. Самый известный из них, И.И. Шишкин, запечатлел их в двух работах – "Дубовая роща в Лахте" и "Дубки в Лахте".

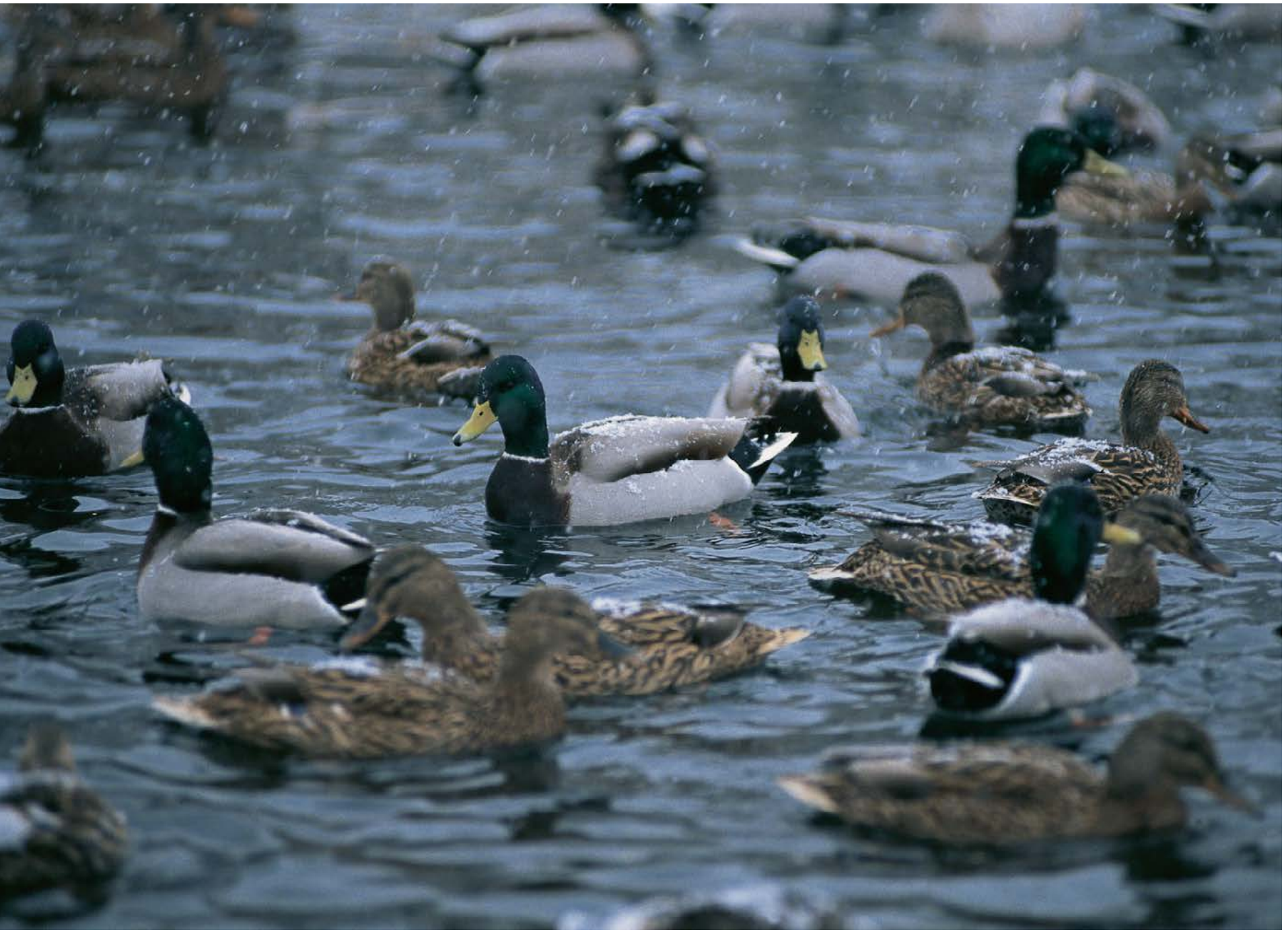
Планы сохранения природных комплексов Лахты возникали уже в 20-е годы прошлого века. В обосновании к созданию Лахтинского заповедника говорилось, что на этой территории удивительно хорошо сохранилась "драгоценная по своей примитивности и, в то же время, очень богатая комбинация растительных форм, нигде в других местах петроградского края не встречающихся".

"Следует знать, что Лахта представляет очень важный узловой транзитный путь – место отдыха и кормежки многих тысяч водоплавающих и болотных птиц. В наши дни, когда мировые запасы птиц столь катастрофически убывают, сохранение естественной обстановки при строжайшей охране птиц на этом участке побережья имеет важное государственное значение" –, писал известный орнитолог А.С. Мальчевский.

В темную осень земля укрывается
Желтой листвой, а под ней
Дремлет побегов и трав прозябанье,
Сок животворных корней.

Жизнь зарождается в мраке таинственном.
Радость и гибель ея
Служат нетленному и неизменному —
Вечной красе Бытия!

И.А. Бунин



памятник природы “Комаровский берег”

Под небом мертвенно-свинцовым
Угрюмо мерknет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.

Ф.И. Тютчев

Территория к востоку от древнего поселения Териоки (ныне Зеленогорск) вплоть до 1880-х годов была совершенно незаселённой. Некоторые земли были заболочены, почвы других состояли из песка; непригодные для земледелия, они не приносили дохода. Именно поэтому эта местность на побережье Финского залива долго пустовала. Только к 80-м годам XIX века здесь стало формироваться поселение, получившее название Келломяки. Своим возникновением Келломяки целиком обязаны "дачному буму" конца XIX–начала XX века, вызванному постройкой в 1870 году железной дороги Санкт-Петербург – Риихимяки. В 1901 году между Териоками и Куоккалой (Репино), где к тому времени уже сформировался довольно крупный дачный поселок, была открыта железнодорожная платформа Келломяки, что в переводе с финского означает "колокольная гора". Во время строительства платформы на небольшом холме между сосен был подвешен колокол, оповещавший рабочих о начале трудового дня и обеденного перерыва. Позже колокол убрали, но название осталось. Даже в наше время, когда природный ландшафт Карельского перешейка изменён очень сильно, природа этой местности не перестаёт поражать своим великолепием всех, кто имел счастье её наблюдать.

"Финляндией дышал дореволюционный Петербург, от Владимира Соловьева до Блока, пересыпая в ладонях ее песок и растирая на гранитном лбу легкий финский снежок, в тяжелом бреду слушая бубенцы низкорослых финских лошадок". Русской интеллигенцией всегда чувствовалось "...особенное значение Финляндии для Петербурга, сюда ездили додумывать то, что нельзя было додумать в Петербурге, нахлобучив на самые брови низкое снежное небо и засыпая в маленьких гостиницах, где вода в кувшинах ледяная" –, вспоминал Осип Мандельштам.

Первозданный облик почти необитаемых еще в начале XX века финских берегов сохранился здесь до наших дней. Углубившись в темный дремучий ельник, невозможно поверить, что совсем неподалеку есть дачи, рестораны, современная дорога вдоль залива, шумный пляж с отдыхающими. Кажется, человеческая нога не ступала по мягким зеленым мхам этих чащоб с поваленными стволами огромных деревьев. Среди сосен и елей возвышаются гигантские муравейники – аккуратные конусообразные горы почти в человеческий рост – одна из главных достопримечательностей памятника природы.

Тут и полдень безмолвен, и полночь глуха,
Густо спутаны прочные сучья.
Желтоглазые совы живут по верхам,
А внизу — муравьиные кучи.

В.А. Солоухин

Лес, как бы кадильным дымом,
Весь пропахнувший смолой,
Дышит гнилью вековою
И весною молодой.

А смолу, как слезы, точит
Сосен старая кора,
Вся в царапинах и ранах
От ножа и топора.

Смолянистым и целебным
Ароматом этих ран
Я люблю дышать всей грудью
В теплый утренний туман.

Ведь и я был также ранен —
Ранен сердцем и душой,
И дышу такой же гнилью
И такою же весной...

Я.П. Полонский

До революции Келломяки входили в состав княжества Финляндского. О русском присутствии здесь свидетельствовала православная деревянная церковь Святого Духа, возведенная в 1908 году по проекту архитектора Н.Н. Никонова и напоминавшая собор Василия Блаженного в Москве.

Смешение культур многих народов – русских, финнов, карелов, саамов, шведов – стало плодороднейшей почвой для развития такого архитектурного стиля, как "северный модерн". Для этого стиля характерны мотивы северного зодчества, отделочный кирпич, керамика, разноцветные витражи и башенки с возносящимися шпилями. Жилые дома украшали резные ставни, нередко и фасады были целиком резными.

На север и юг от железной дороги шли перпендикулярно две прямые улицы – Кауппакату (Магазинная) и Мерикату (Морская). Их пересекали улицы, идущие параллельно железной дороге. Вдоль высокого берегового обрыва, с которого открывался великолепный вид на Финский залив, песчаные пляжи с дюнами, убегающие вдаль лесистые мысы и бухты, стояли самые большие и красивые дачи, чьи владельцы имели возможность любоваться видом со своих башен и бельведеров. Именно здесь стоял знаменитый "Дворец-Арфа" (Harppulinna), сгоревший во время последней войны. Хозяином особняка был известный в Санкт-Петербурге архитектор Г.В. Барановский, построивший знаменитый Елисеевский магазин на Невском проспекте. Обшивка дворца была выполнена из дугообразно обтёсанных стволов, соединённых между собой болтами. И казалось, что на небольшую башенку, возвышающуюся над вторым этажом, натянуты струны, и как только подует ветер раздастся сказочная мелодия.

Над мра́чным ельником проснулася заря,
Но ярко́сти ее не радовались пти́цы;
Однообра́зный свист лишь слышен снегиря,
Да раздража́ет писк насме́шливой синицы.
Беседка стара́я над пропастью видна.
У ног мои́х отве́сною стено́й
Мне сосен ка́жутся недви́жные верши́ны,
И со́лнце вы́рвалось из ту́чи, и лу́ги,
Блесну́в как мо́лния, в доли́ну долете́ли.
Отсю́да ви́жу я, как бью́т в пруде́ клю́ги,
А там, за сосна́ми, как ку́пол голубо́й,
Стои́т бесстра́стное, безжа́лостное мо́ре.
Как ча́йка, парус там белеет в высоте́.

А.А. Фет

До наших дней сохранился великолепный деревянный особняк на Морской улице, принадлежавший г-же Юхневич. Этот дом весь украшен резными узорами, словно русский терем. В особняке Юхневич некоторое время жила известная балерина Матильда Ксешинская.

Напротив особняка Юхневич располагается обширный участок, известный как "вилла Рено". Семья Рено владела этим имением до Зимней войны 1939 – 1940 годов. Владельцы, использовав рельеф и естественную растительность территории, устроили на верхней и нижней террасах целый парк с искусственными водоемами и фонтанами, тянущийся по склону далеко вниз к берегу. "На склоне было множество источников, заполнявших три больших овала, три пруда в окружении ирисов. Внизу находился круглый пруд, величиной почти с небольшое озеро в окружении серебристой ивы, тополей, лип и кленов. Посередине <...> был маленький остров, весь заросший сиренью и жасмином, они цвели попеременно. На берегу был причал, к нему была <...> привязана маленькая гребная лодка.

Из каменной беседки, которая располагалась на самой высокой точке горы, на углу улицы Морской, был виден залив, вечерний ореол огней Петербурга, купол Морского собора Кронштадта, паруса кораблей... Вдали слева виднелся синей полосою мыс Ревонненя, он же Лисий Нос; справа синел длинный мыс Иониеми, начинавшийся от Ваммельсуу, от Черной Речки; побережье Ингрии виднелось узкой полосой в направлении Юхинмяки, между маяком Толля и мысом Иониеми сияло тысячью и тьмой солнечных бликов свободное водное пространство", – так описывает свои впечатления от посещения виллы Рено в 20-х годах финский писатель Оскар Парланд.

Сейчас с большим трудом, пробравшись сквозь густые заросли, можно найти сильно обмелевший пруд с островом. Со стороны Морской улицы о вилле напоминают хорошо сохранившиеся въездные ворота с чугунной решеткой.

После февральской революции 1917 года финляндский сейм объявил Финляндию независимым государством. По Тартусскому (Юрьевскому) мирному договору 1920 года советско-финляндская граница стала соответствовать прежней границе Великого княжества Финляндского, проходившей по реке Сестре. Келломяки оказались в составе Финляндии всего в 10 километрах от России.

В России бушевала гражданская война, старая эпоха была сметена, словно пожухлые листья ветром, а здесь время словно остановилось – ни Россия, ни Финляндия – странный заповедник исчезнувшей жизни. Среди людей, обретших в этом заповеднике "ушедшей России" краткое отдохновение от реальностей военного коммунизма, был академик Иван Петрович Павлов, первый русский нобелевский лауреат. В 1922 году с разрешения большевистского правительства семья академика смогла поселиться в пансионате на вилле Рено. "Вы поражаете мое воображение. Вы и окружающие вас ученые продолжаете работать в волнах хаоса, затопляющего Россию; вы напоминаете мне библейских праведников, благодаря которым Бог не разрушает погрязшие во грехе города", – обращался к Павлову Герберт Уэллс, будучи под сильным впечатлением от поездки в Россию в те грозовые годы.

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоемов,
Красных туч и пламенных годин.
Этот ветер был нам верным другом
На распутье всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль — на северо-восток.
Вейте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба;
В этом ветре вся судьба России —
Страшная, безумная судьба.

М.А. Волошин

Академик Д.С. Лихачёв, проведший свои детские годы на берегу Финского залива, оставил нам трогательные воспоминания о том времени: "...Самые счастливые воспоминания детства связаны у меня с пляжем <...>. По вечерам мы гуляли <...> по самому берегу залива, по сырому укатанному волнами песку <...>. Если погода безветренная, особенно утром – в предвестии жары, то, прислушавшись, на берегу можно было слышать как бы басовитые гудки: у-у-у, у-у-у, у-у-у! Это слышен на пляже звон большого колокола Исаакиевского собора. Море становилось торжественным и значительным, когда через воду долетал еле слышный звук тяжкого колокола Исаакия. <...>

А днем в жару пляж гудел, как улей, роем детских голосов, радостных, испуганных, когда окунались, озорных при игре, но всегда приглушенных водой, расплывающихся, нерезких. Эта музыка пляжа слышна и сейчас, и до сих пор я ее очень люблю".

Территория Келломяк стала советской после 1940 года. Власти сразу обратили внимание на уютный посёлок на берегу залива. Уцелевшие дачи были отремонтированы и переданы в пользование ленинградским деятелям науки и культуры. Несколько месяцев прожил в Келломяках Президент Академии наук СССР, учёный-ботаник В.Л. Комаров, скончавшийся 5 декабря 1945. Именно в его честь посёлок был позднее, в 1948 году, переименован в Комарово.

К концу 40-х годов Комарово стало дачным посёлком творческой интеллигенции. В разное время здесь жили или бывали Леонид Андреев, Максим Горький, Юрий Герман, Дмитрий Шостакович, Вера Панова, Иван Ефремов, Иосиф Бродский, генерал Л.А. Говоров, тот самый, что руководил прорывом блокады Ленинграда в 1944 году у Дудергофских высот, и многие другие. Здесь же находилась дача Анны Ахматовой, выделенная Литфондом, – дощатый домик, который она скорее добродушно, чем осуждающе, называла "будкой", как хатку под Одессой, где родилась. Эта земля в конце жизни дала ей, наконец, приют под огромными комаровскими соснами, под ними же и упокоила ее прах.

Земля, хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

А.А. Ахматова

Пред взорами моими — величественное море. Оно на севере по большей части пасмурно и бурно; бывает же по временам и прекрасно. Обширное море! Привлекаешь ты к себе и взоры, и думы. Безответливо гляжу подолгу на море. Нет разнообразия в этом зрелище, но взор и мысли не могут оторваться от него <...>. Какая чувствуется полнота в душе, когда глаза насладятся и насытятся созерцанием моря! <...>. Широко расстилается оно, хрустальное, серебряное, между отлогими берегами. Замкнуто оно Кронштадтом, за которым беспредельность моря сливается с беспредельностью неба... Не будем доверять тишине житейского моря; тишина эта обманчива, море изменчиво. Не позволим себе предаться беспечности: корабль неожиданно может попасть на мель или удариться о неприметный подводный камень, покрытый нежною струйкою, — удариться и получить жестокое повреждение. Иногда набежит ничтожное, по-видимому, облачко: внезапно начинает извергать из себя вихри, громы, молнию, и закипело притворно тихое море опасною бурею.

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

заказник “Ладышевский”

Слушай шелест сосен высоких,
Слушай шелест рек глубоких —
Это Суоми песнь!

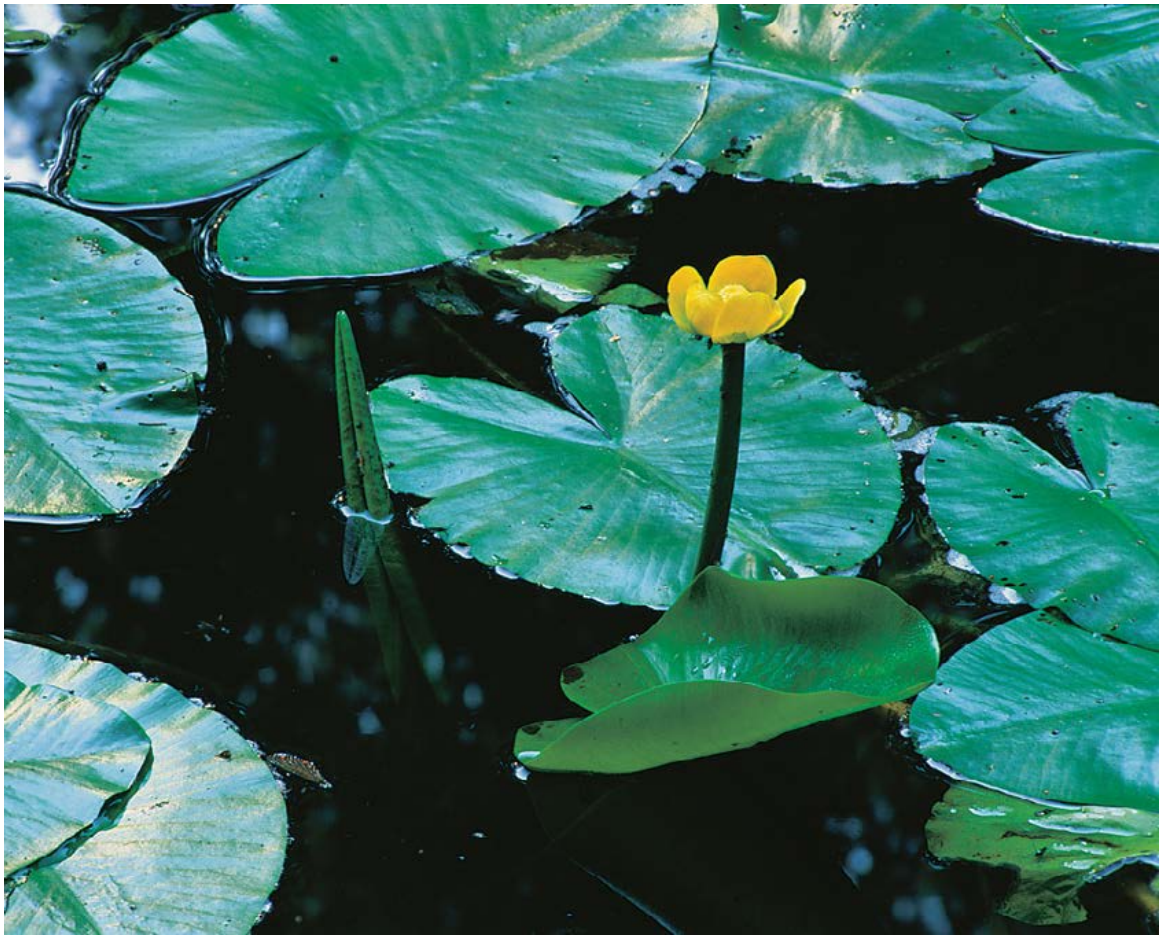
Эмиль Кварнтен

“В этой стране так мало смеющейся прелести и беззаботной роскоши юга, что радость – скользнувший луч солнца, богатство – сказка, а чудная краса природы – мимолетный сон. Ее красота часто бледна, как северное сияние, и печально задумчива, как темный ее бор”, – писал в начале прошлого века автор известного путеводителя по Финляндии К.Б. Грэнхаген.

Климат здешних мест суров, природа скудна, население малочисленно и рассредоточено среди лесов и болот, поэтому история донесла до нас очень скупые сведения о прошлом этой глухой провинции в юго-западной части Карельского перешейка. На протяжении многих столетий Швеция и Россия соперничали за эти территории, границы и состав населения претерпевали многократные изменения, что нашло отражение в сложной местной топонимике. Ваммельсуу, Мустамяки, Ваммельярви, Райвола... – звучали еще полвека назад сказочные для русского слуха многочисленные финские названия. После Великой Отечественной войны на картах появились Серово, Ушково, Гладышево, Рощино. В части этих названий увековечена память о погибших здесь русских солдатах.

В 1721 году после окончания Северной войны и заключения Ништадтского мира эти земли почти на два столетия отошли к России. После разделения сфер влияния между Наполеоном и Александром I в Тильзите (1807 г.) эти территории были воссоединены с Финляндией, ставшей с 1811 года “великим княжеством Финляндским” в составе России.

Салтыков-Щедрин, проводивший лето 1886 года в Финляндии, недалеко от Гладышевского озера, оставил заметки о тогдашнем местном населении: “Финны живут разрозненно и селятся починками в два-три дома. Народ трудолюбив и любит страстно свою землю. Работает неутомимо, хотя частые непогоды мешают земледельческому труду. Финн замуровался в своей деревне, зарылся в снегах на две трети года и не двигается ни направо, ни налево. Есть, впрочем, в нашем соседстве два-три хозяина, которые скупают бруснику и ездят в сентябре в Петербург продавать ее”. О том, насколько глухим был этот лесной край, свидетельствует тот факт, что сам генерал-губернатор, обеспокоенный частыми нападениями хищников на людей и заметным сокращением поголовья скота, отменил в 1840-х годах повсеместный запрет на их отстрел и даже организовал силами воинских подразделений травлю волков в волости Кивеннаппа.

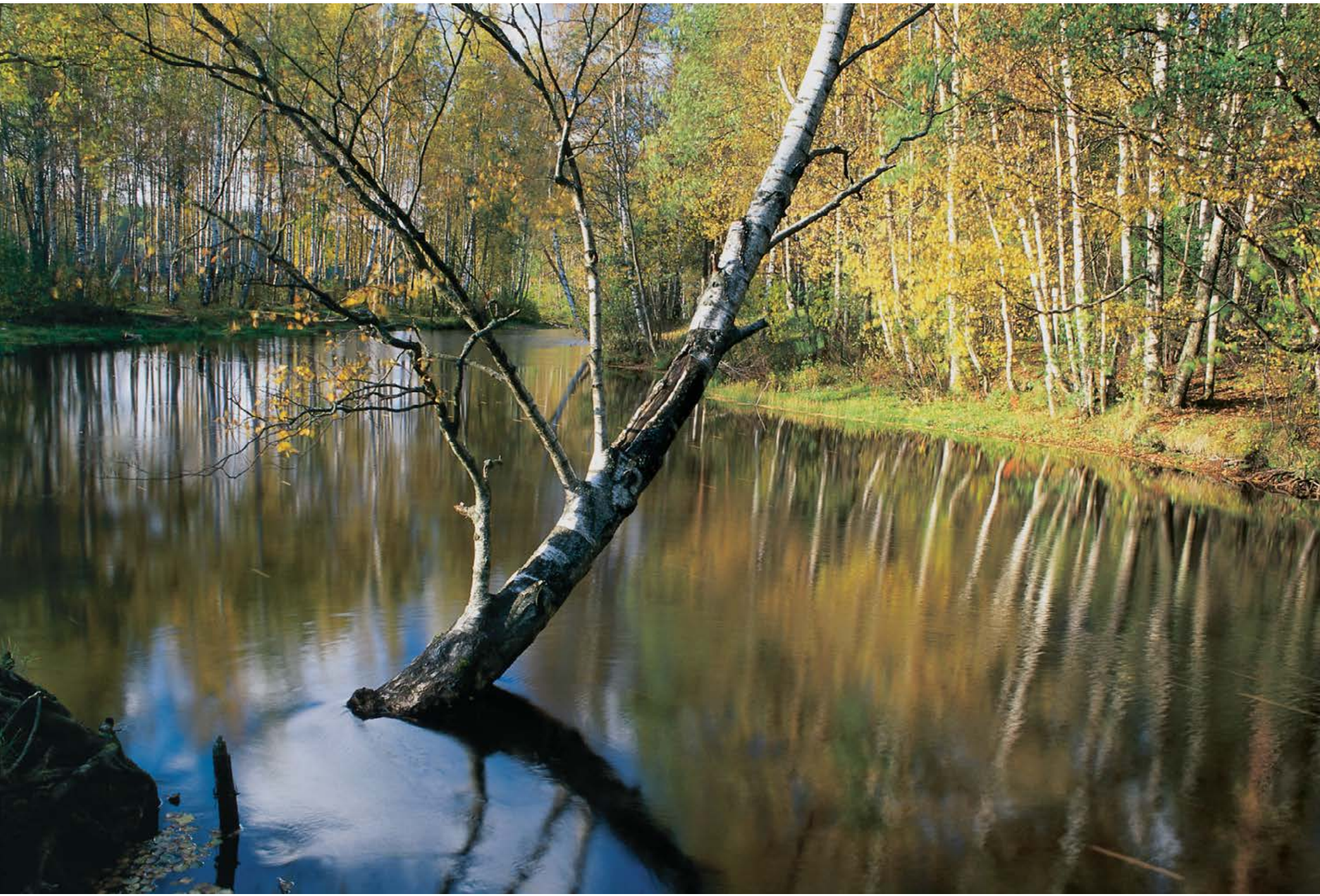


Из больших окон финских дач с верандами и балконами, располагавшихся на невысоких холмах в окрестностях нынешнего Гладышевского озера, можно было полюбоваться, как "хмурые хвойные леса спускаются в долину к синему озеру, обходят его и простираются до самого горизонта, густые и туманные". Южные склоны холмов, защищенные от заморозков, по осени пестрели широколиственными лесами из дуба, клена и ясеня (отсюда финское название деревни Кирьявала (Kirjavala) – пестрое).

Край без истории... Все лес да лес, болота,
Трясины, заводи в ольхе и тростниках,
В столетних яворах... На дальних облаках —
Заката летнего краса и позолота,
Вокруг тепло и блеск. А на низах уж тень,
Холодный сивый дым... Стою, рублю кремень,
Курю, стираю пот... Жар стынет — остро, сыро
И пряно пахнет глушь. Невидимого клира
Тончайшие поют и ноют голоса.
Столбом толчется гнус, таинственно и слабо
Свистят в куре уж... Вот гаснет полоса
Чуть греющих лучей, вот заквохтала жаба
В дымящейся воде... Колтунный край древлян,
Русь киевских князей, медведей, лосей, туров,
Полесье бортников и черных смолокуров —
И теплых сумерек краснеющий шафран.

И.А. Бунин

До 70-х годов XIX века жизнь тихих поселков Карельского перешейка проходила однообразно и незаметно. Но вот 11 сентября 1870 года гудок паровоза нарушил этот покой: строительство железной дороги Риихимяки – Санкт-Петербург, протянувшейся через весь перешеек, превратило девственный край в дачное место для обеспеченных петербуржцев. Они получили прекрасную возможность в считанные часы добираться из душного города на пропитанные свежим морским воздухом песчаные пляжи Финского залива и прекрасные сухие сосновые боры по берегам многочисленных озер с чистейшей прозрачной водой. Недалеко от Черной речки поселился русский флотоводец, океанограф и полярный исследователь адмирал С.О. Макаров. Его дача, искусно отделанная мореным дубом, напоминала корабельную рубку. На темном фоне зелени дом казался сооружением легким, как морской фрегат, готовый к отплытию.



Ветер осенний в лесах подымается,
Шумно по чащам идет,
Мертвые листья срывает и весело
В бешеной пляске несет.

Только замрет, припадет и послушает,—
Снова взмахнет, а за ним
Лес загудит, затрепещет,— и сыплются
Листья дождем золотым.

И.А. Бунин

В трех верстах от устья реки Черной на берегу Финского залива располагалась усадьба "Тихій Берег" академика В.М. Бехтерева – выдающегося русского учёного, врача-невропатолога и психиатра. Стараниями потомков она превращена в мемориальный музей учёного. Название усадьбе дано неспроста, действительно, гряда подводных камней гасит волнение, и даже в сильный шторм волны лишь тихо плещутся у песчаного берега.

Река Черная, вытекая из Гладышевского озера, вначале спокойно струится среди невысоких лесистых берегов. Но уже в нескольких километрах от истока ее уклон сильно увеличивается. Здесь находятся остатки финской мельницы, запечатленной на известной картине Валентина Серова (1902 г.), маленькая скромная дача которого стояла на самом берегу Финского залива в Ино (Приветнинское). Частыми гостями Серова были художники А.Н. Бенуа и В.В. Матэ, проживавшие неподалеку. Целыми днями бродил Серов с этюдником и альбомом, нередко бывал на Черной речке. Из финских пейзажей Серова выделяются "Лошади на взморье", "Купание лошади" и, особенно, портрет детей. Морской берег, на фоне которого изображены старшие сыновья художника, столь характерен, что сразу узнается, несмотря на фрагментарность и скупость изобразительных средств. Летом 1906 года Серов писал портрет другого своего соседа по Черной речке – писателя Леонида Андреева. Художник и писатель настолько сблизились в процессе работы, что Андреев назвал своего младшего сына Валентином в честь Серова.

Черная речка самым тесным образом связана с именем Леонида Андреева. Здесь прошел двенадцатилетний “чернореченский” период его творчества, были созданы наиболее глубокие произведения. Черная речка Андреева чем-то сродни толстовской Ясной Поляне или пушкинскому Михайловскому, и в воспоминаниях детей Андреева она осталась их “малой родиной”. Андреев поселился на Черной речке после смерти горячо любимой жены, как бы разделившей его жизнь надвое. Место для строительства нового дома было выбрано на высоком берегу Черной речки, в небольшой финской деревне. Дом был задуман в необычном стиле – похожим на норвежский замок, с высокой обзорной башней, осмотр окрестностей с которой через подзорную трубу стал впоследствии обязательным ритуалом для всех гостей писателя: “с горы бесконечно дымятся дали и <...> видно море – огромный белый лист в узенькой рамке далеких берегов”. Вилла получила шутливое название “Аванс”, так как средства для строительства были получены у издателей в виде аванса.

Андреев был не только литератором, но и талантливым фотографом, одним из зачинателей цветной фотографии. Снимки на стеклянных пластинах запечатлели окрестности Черной речки и морское побережье и были изданы недавно большим альбомом в Англии при поддержке семьи Андреевых.

"Природа Финляндии обладает магическим свойством, – записывал Андреев в своем дневнике, – вначале она не действует на вас, но чем дольше вы живете среди невзрачных финских болот, тем все глубже западает в вашу душу любовь к этому заброшенному краю. Никакие красоты Кавказа, Крыма не могут сравниться со скромной <...> финской природой. Закаты и восходы солнца художественно строги; чудесные линии ландшафта; убегающие вдаль перелески; леса, заросшие мхом; граниты, придающие сумрачную красоту, столь отличительную от скучных и неуютных эффектов южных гор и морских побережий".

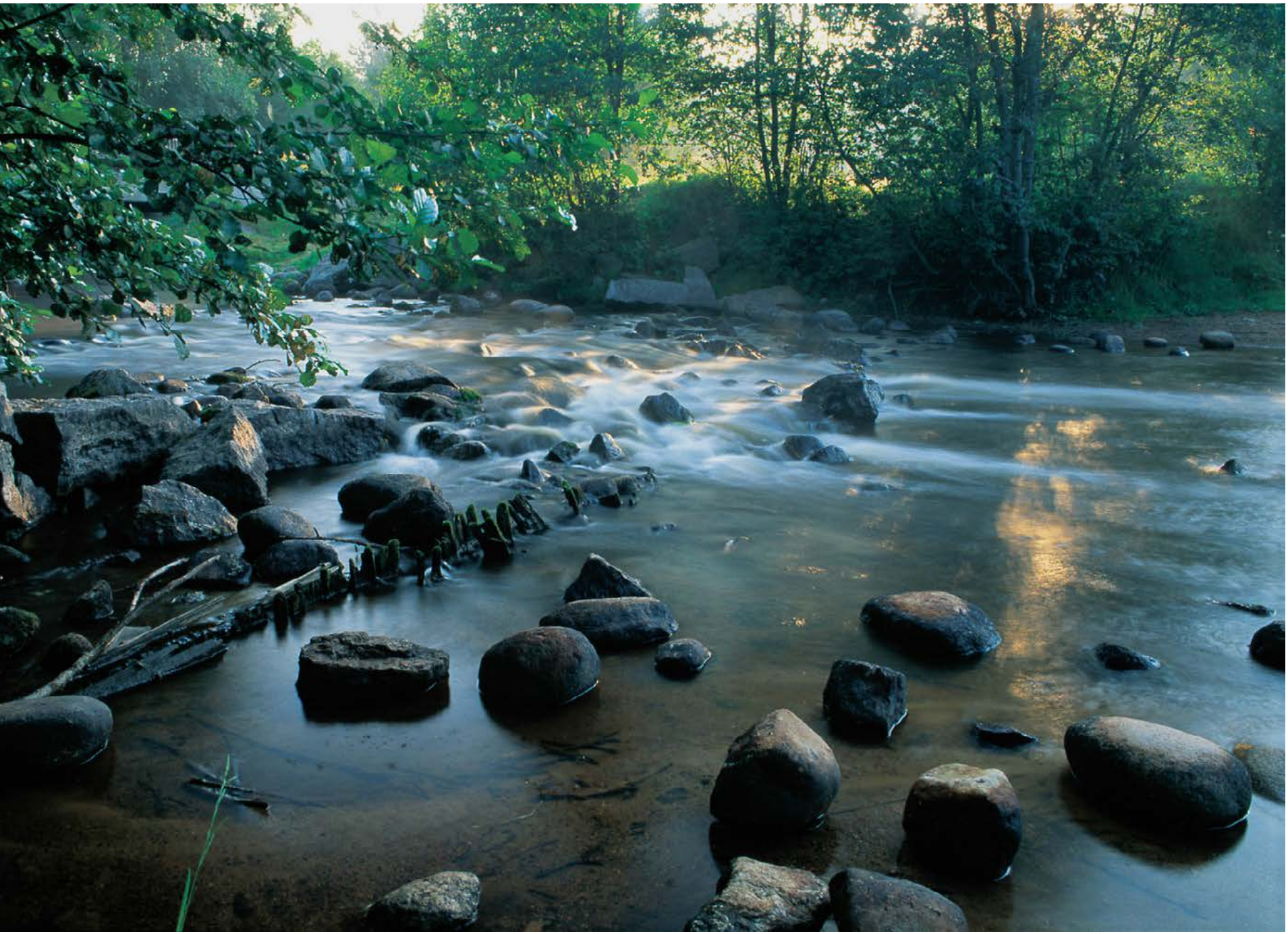
Какая музыка под ризою твоей!
Кругом стеклянный звон лющихся ключей;
Там — листик задрожал под каплею
алмазной;
Там — пташки полевой свисток
однообразный;
Стрекозы, как часы, стучат между кустов;
По рейке, в камышах, от топких островов,
С разливов хоры жаб несутся, как глухие,
Органа дальнего аккорды басовые,
И царствует над всей гармонией ночной,
По ветру то звончей, то в тихом замиранье
Далекой мельницы глухое клокотанье...

А.Н. Майков

Недалеко от места впадения реки Черной в Финский залив, на некогда живописном холме можно найти остатки храма, могильных плит и церковной ограды. Это “Мариоки” – бывшее имение, названное хозяином по имени любимой жены на финский манер. На одной из плит можно прочитать: “Марія Всеволодовна Картавцова, рожденная Крестовская, родилась 30-го ноября 1852 года, скончалась 24 іюня 1910-го года”. “Великолепный памятник возвышался в стороне от церкви, на склоне горы. Это была огромная глыба гранита, а на ней, в натуральную величину, сидела в кресле красивая бронзовая женщина и задумчиво смотрела на море. У ее ног валялся плюшевый мишка, тоже из бронзы”, – вспоминала дочь Леонида Андреева Вера. Небольшая мариокская церковь в честь иконы “Всех скорбящих Радость”, в псковском стиле XII–XIII веков, стояла высоко, и ее золотая глава была видна даже из Кронштадта. Звонница с пятью колоколами служила входом на церковный двор. Церковь была действующей до 1939 года и разрушена во время Зимней войны.

Опять мне блеснула, окована сном,
Хрустальная чаша во мраке лесном.
И озеро в тихом вечернем огне
Лежит в глубине, неподвижно сияя,
Деревья, как свечи, стоят в вышине,
Смыкаясь рядами от края до края.

Н.А. Заболоцкий



Любовь к морю – особая тема в жизни Леонида Андреева. “В те дни, когда мы уезжали в море, молчание отца было менее утомительным и хмурым. Извилистой Черною речкой, <…> мы, подгоняемые течением, подъезжали к быстрине – гранитным порогам, высовывавшим черные спины камней из пенистой воды. Здесь мотор выключался, и стремительным потоком лодку проносило мимо камней. <…>. Река делала еще два или три поворота и выносила нашу лодку на взморье”, – писал его сын Савва.

Вероятно, об одной из таких морских прогулок вспоминал сам писатель: “Был свежий ветер с юго-запада, море дышало свежестью и силой <…>. И запах водорослей, густой и сильный, закрывай глаза и думай, что ты у самого океана. Здесь берег красиво изгибается, заканчиваясь на западе мысами Ино и его морскими знаками… Три мыса уходят последовательными планами, начиная зеленым и кончая мглистой синевой, и песчаный берег под лучом солнца горит, как золотой ободок”. Правда, мятущуюся душу писателя посещали и другие мысли: “Как могу я забыть это мелкое, безнадежно унылое море, лежавшее так плоско, как будто земля в этом месте перестала быть шаром? Думая о море, я всегда думал и о корабле, – но здесь не показывались корабли, их путь проходил где-то дальше, за вечно смутной и туманной чертой горизонта, – и серой бесцветной пустыней лежала низкая вода, и мелко рябили волны, толкаясь друг о друга, бессильные достичь берега и вечного покоя”.

Леонид Андреев был похоронен на небольшом кладбище около церкви на берегу Черной речки. В 1936 году сын Андреева Савва был в Финляндии и посетил родные места. Свою поездку он описал в письме к сестре: “ Проваливаясь в снегу, еле разбирая, где тропинка, я шел в тишине среди леса. И вот передо мной белая стена церкви и ее золотой купол. <…> То, что было перед глазами, – было во много, неисчислимо много раз лучше всего возможного. И мне стало радостно и светло. ”

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно,
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой.

И.А. Бунин

ДУМА НА БЕРЕГУ МОРЯ

Утихнут ветры, уляжется море. Где холмились гневные волны, там расстелится неподвижная поверхность утомленных бурею вод. После усиленной тревоги они успокоятся в мертвой тишине; в прозрачном зеркале их отразится вечернее солнце, когда оно встанет над Кронштадтом, и пустит лучи свои вдоль Финского залива, навстречу струям Невы, к Петербургу. Живописное зрелище, знакомое жителям Сергиевой пустыни! Это небо, этот берег, эти здания сколько видели увенчанных пеною гордых, свирепых волн? И все они прошли, все улеглись в тишине гроба и могилы. И идущие мимо идут, успокоятся так же! Что так зыбко, так непродолжительно, как венцы из пены влажной!

1843 года, Сергиева Пустынь, свт. Игнатий (Брянчанинов)

Книга издана по решению Редакционно-издательского
совета (РИСО) в серии "Природа Санкт-Петербурга"

Специальная фотосъемка агентства "ГеоФото"
(А.В. Ладыгин, В.А. Штрик), www.geophoto.ru
В книге использованы фотографии Ю.Б. Артюхина
и В.И. Соколова

Авторы и составители текста: Т.В. Ковалева,
О.Р. Крупнов, А.В. Ладыгин, О.Н. Ладыгина
Под общей редакцией канд. географ. наук Д.А. Голубева

"Заповедная природа Санкт-Петербурга"
Альбом. Санкт-Петербург: ЗАО "П-2", 2004. - 200 с.

Сканирование, цветоделение, изготовление фотоформ –
ЗАО "Голанд", Санкт-Петербург, www.goland.spb.ru

Тираж отпечатан в типографии ОАО "Иван Федоров",
191119, Санкт-Петербург, ул. Звенигородская, д. 11
Тираж 2000 экз. Заказ № 229601

ISBN 5-85952-063-8

9 785859 520633

Особо охраняемые природные территории Санкт-Петербурга

1 - Памятник природы "Стрельнинский берег"

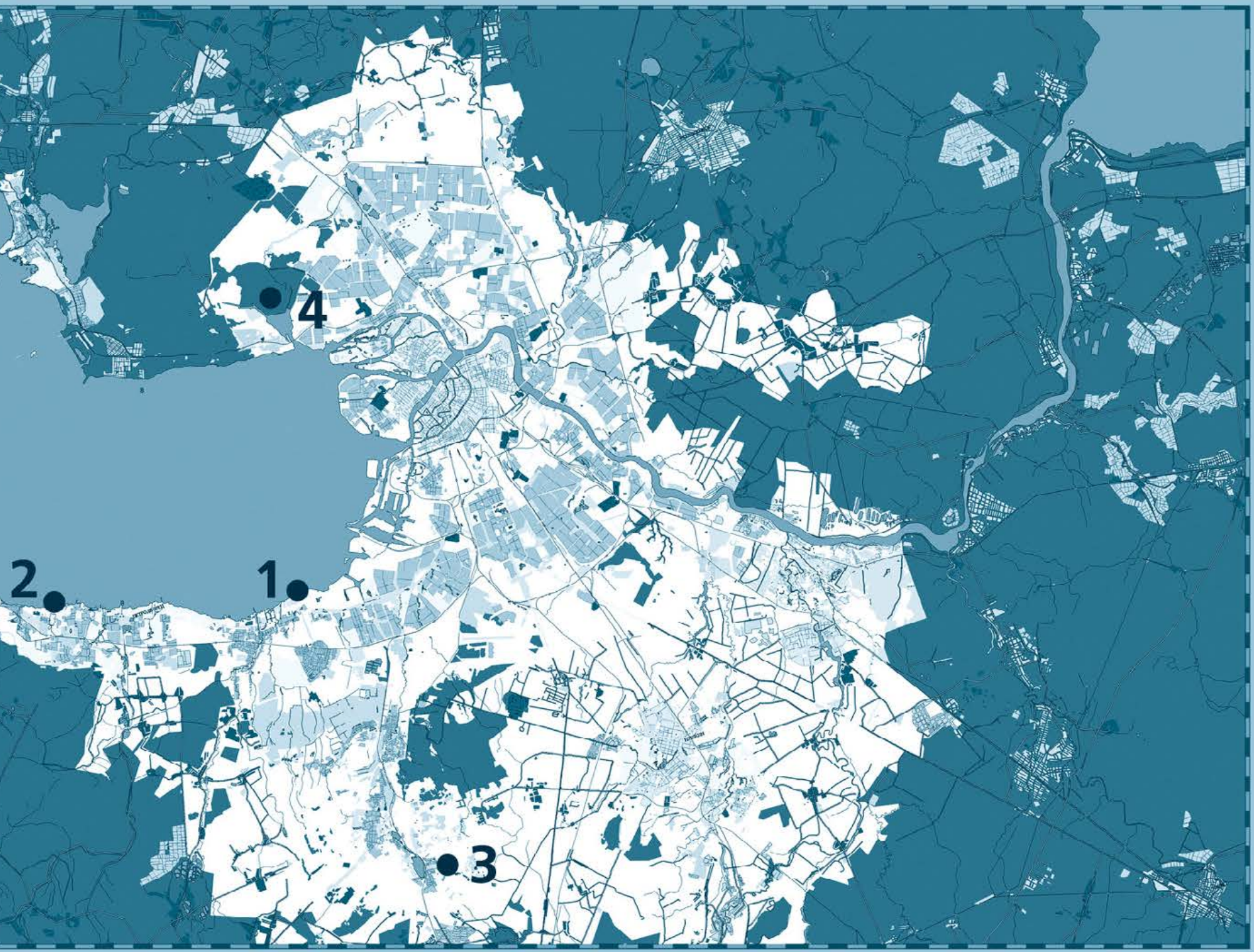
2 - Памятник природы "Парк Сергиевка"

3 - Памятник природы "Дудергофские высоты"

4 - Заказник "Юнтоловский"

5 - Памятник природы "Комаровский берег"

6 - Заказник "Гладышевский"


4
2
1
3